

A romantic illustration of a young woman with long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a white off-the-shoulder dress. She is holding a thick red book and looking over her shoulder at the viewer. The background is a lush garden with pink cherry blossoms and a warm, golden sunset glow.

Елена Птюрина

*Апрельское
или Секрет забытого
письма*

Елена Тюрина

**Апрельское, или Секрет
забытого письма**

«Автор»

2023

Тюрина Е. А.

Апрельское, или Секрет забытого письма / Е. А. Тюрина —
«Автор», 2023

«Было бы двое детей у тебя, мальчик и девочка, и король, который любил бы тебя... а теперь ни мужа не будет, ни детей. И не жди», — бросила зло цыганка на вокзале. И Светлана поверила. Уехала работать библиотекарем в глухую провинцию, поселилась в старом пустующем доме. Но однажды она случайно нашла на чердаке пачку писем и узнала чужую семейную тайну.

© Тюрина Е. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Тюрина

Апрельское, или Секрет забытого письма

Глава 1

2012 год

«Апрельское... Ап-рель-ско-е», – глядя в окно автобуса, беззвучно сказала я. Одними губами. Так вкусно звучит, по-весеннему. Покатала языком по нёбу это слово, будто конфету. И почти явственно ощутила сочный вкус любимой с детства «барбариски». На дворе апрель. И день рождения у меня в апреле. Кто знает? Может это хороший знак и меня ждут большие перемены?

– Ой, а вы в Апрельское едете? – раздалось слева от меня.

Неужели я произнесла это слово вслух? Как неудобно...

– Да, – ответила я.

– А кто у вас там? Родственники? – оживилась женщина с корзинкой на коленях, сидевшая рядом со мной.

Лет пятидесяти пяти или чуть больше, с очень загорелым лицом, исчерченным морщинами, одета она была, как говорят, по-дачному – в спортивные штаны, старомодные потрёпанные кроссовки, свитер и куртку. Волосы её скрывала светлая косынка в мелкий цветочек.

– Нет никого. Я еду туда работать.

– Кем, если не секрет? – дама смерила меня оценивающим взглядом, очевидно, прикидывая, на какую работу я могу сгодиться.

– Библиотекарем.

– А у нас там ещё действует библиотека? Ммм... Я и не знала, – сообщила мне соседка. Потом помолчала и снова заговорила:

– Удивительно. Обычно молодёжь из посёлков бежит в города. А вы наоборот. В такую глухомань решили забраться. Вы замужем?

Я отрицательно мотнула головой и ощутила нарастающее внутри невольное раздражение. Ну начинается. Это излюбленная тема таких вот беспардонных тётенек. Сейчас посыплются вопросы «как же так?», «а почему?», «а сколько вам лет?» и в заключение покровительственно: «Ну ничего, не расстраивайтесь». Как будто я расстраиваюсь. Сами же своими вопросами больше огорчают, чем непосредственно факт отсутствия у меня супруга.

Просто я уже смирилась с тем, что никогда не выйду замуж. Так мне нагадала в юности цыганка. Мама призывала не верить в эту ерунду. А я верю. Да и как тут не поверить, когда мне уже двадцать шесть, а всё, что есть в жизни – это не самая прибыльная профессия – библиотекарь и лишний вес, с которым я безуспешно борюсь ещё со школы.

Ехать ещё минут сорок. Так что я приготовилась к обороне. А попутчица моя почему-то не спешила сыпать неудобными вопросами. Вместо этого откинула лежавшее на корзинке полотенце и пододвинула её поближе ко мне.

– Гляди... Можно на «ты»? Я Леокадия Сергеевна. Можно просто Лёка.

Я впервые слышала столь необычное имя!

– Света, – представилась и заглянула в корзинку, ожидая увидеть котёнка или щенка. Но не смогла сдержать возгласа удивления, когда обнаружила спящего ёжика!

– Какая прелесть! Откуда он у вас? – невольно улыбнулась.

– Он ручной, – ответила женщина. – Я его в прошлом году нашла во дворе, совсем маленького. Траву вырывала и нашла. Думала, мамка за ним придёт. Понаблюдала до темноты. Ежи ведь ночные животные. Но мамочка так и не пришла. Видать, что-то с ней случилось. Вот я и забрала. Он был бело-розовый, почти прозрачный. И колючки мягонькие. Выкормила его моя кошка. Она как раз тогда окотилась. Так и жил у нас. На зиму в спячку впадал. Теперь везу на дачу.

– Неужели выпустите? – изумилась я, рассматривая колючий комочек. – Жалко ведь. Он же совсем не приспособлен к жизни в природе.

– Да нет, не выпущу конечно. Просто поживёт со мной. Всё веселее, не так одиноко. Он, я, да двое котов.

Разбуженный нашей болтовнёй, ёжик высунул остренькую мордочку и зашевелил носиком, принюхиваясь.

– Его можно погладить? – спросила я.

– Ага, погладь. Он спокойный, не пугливый. Ежи ночью активничают, так что сейчас он сонный. Его Кактусом зовут. Хотя внуки его и Шушуня называют, и Топотун.

Зверёк дружелюбно обнюхивал мои пальцы и чуть слышно посапывал. Любопытная мордашка, украшенная тёмной маской, доверчиво утыкалась в мою ладонь.

Из родительского дома я вырвалась только сейчас. Поздновато. Но даже несмотря на далеко не юный возраст, наличие профессии и полную самостоятельность, мать отпускала меня скрепя сердце. Такая вот она, всё рвётся опекать. Поэтому узнав о том, что в филиал нашей областной библиотеки, расположенный в посёлке почти за сто километров от моего родного города, требуется сотрудник, я не раздумывая вызвалась туда поехать. Пусть это глухая провинция. Зато наконец-то долгожданная свобода! И жильё своё, и новые люди, которые не будут смотреть на меня, как на неудачницу. По крайней мере, первое время...

Как меня собирали в дорогу – это отдельная и долгая история, так что вдаваться в подробности не буду. Вначале мать жутко обиделась на моё решение уехать. Потом принялась уговаривать передумать. Приводила какие-то доводы, на её взгляд более чем убедительные. Но я всё для себя решила. Мне было необходимо отделиться от родителей и найти себя. Доказать, что я могу что-то и сама. Родных заверила, что зарплата моя не изменится, а работы будет в разы меньше. И плюс ко всему мне дадут жильё, а значит, вся семья сможет приезжать ко мне на лето. Мама о даче всегда мечтала. Так что для неё это был весомый аргумент.

– А где же ты жить будешь? – поинтересовалась Леокадия Сергеевна, наблюдая, как я осторожно глажу её необычного питомца.

– Не знаю ещё, – отозвалась я. – Обещали выделить жильё.

– Хоть бы не очень далеко. А то у нас посёлок большой, но людей живёт не так чтоб много. Все ближе к центру. По окраинам много брошенных домов. Там страшно. И ходить на работу оттуда далеко. Летом ещё на велосипеде можно. А вот зимой только на своих двоих, – посетовала женщина.

– Надеюсь, где-то рядом с библиотекой, – заметила я.

А сама рассматривала ежиные глазки-пуговицы. Если честно, я впервые трогала ёжика. Раньше видела их только в зоопарке и по телевизору. Загородных домов у нас нет и не было никогда. Так что встречать этого милого зверька мне не доводилось.

– Ну, бог даст, хорошо устроишься. Рыжим всегда везёт! – воодушевлённо объявила Леокадия Сергеевна.

Да, я рыжая. Поэтому дразнилки «рыжая-бестыжая» и «рыжий-рыжий, конопатый!» знакомы мне с детства. А такую примету слышала впервые. Наоборот, всегда говорили, что «рыжий да красный – человек опасный!» И неверные рыжие, и лживые, и наглые, и предатели (якобы Иуда был рыжим). И ведьмы. В Средние века их вообще на кострах инквизиции сжигали без суда и следствия. Рыжая – значит виновата. Даже когда в девятом классе попала в

больницу с аппендицитом. Очень хорошо помню, как женщина-доктор посмотрела на меня и сказала: «Рыжая. Я боюсь рыжих. У вас вечно всё не по плану». А я улыбнулась и ответила: «Всё будет хорошо!»

Собеседница молчала и я, оставив в покое ёжика, откинулась на спинку сиденья и стала смотреть в окно. Сегодня было почти по-летнему жарко. Даже занавески пришлось плотнее задвинуть и наблюдать за дорогой через неширокую щель между ними. Под льющимся от стекла теплом я немного разомлела. Хотелось нежиться под лучами солнца, будто вальсяжной кошке, сонно растянувшейся на деревянной скамье. А через несколько дней обещали похолодание...

За окном мелькали поля, лесополосы, посёлки и деревеньки. От скуки я открыла лежавший у меня на коленях блокнот в твёрдом переплёте нежного фисташкового цвета, и принялась листать плотные белые страницы. Он был подписан моим каллиграфическим почерком, который когда-то так хвалила учительница русского языка: «Светлана Юрьевна Ласточкина». Адрес электронной почты и номер телефона. Мне нравится вот так по старинке записывать всё в блокнот. Компьютер и смартфон не кажутся настолько надёжными. И этот упругий шелест плотных листов, когда придерживаешь их уголки кончиком пальца, а потом отпускаешь, и они быстро перекидываются на другую сторону... Должно быть, это и есть то, что называют модным нынче термином «брейнгазм». Чувство расслабления, которое получает человек при звуке шёпота, тихого голоса, постукивания ногтями по поверхности или других подобных звуков. Даже научное определение этому явлению имеется – автономная сенсорная меридиональная реакция. Вот как! Доказано, что определённые звуки отдаются в голове человека вибрациями, вызывающими сонливость, мурашки по телу и даже волны удовольствия, которые растекаются от затылка по позвоночнику к конечностям. Причём склонность к этому самому брейнгазму имеют далеко не все. Кто-то с детства знаком с подобными ощущениями, а кто-то никогда в жизни их не испытывал. В моём случае триггером выступало именно шуршание бумаги. Оно успокаивало, дарило ощущение комфорта и уверенности, что я в безопасности. Очевидно, поэтому я и выбрала такую профессию.

В областной научной библиотеке, самой крупной в нашем городе, я работала уже четыре года – с окончания университета. В отделе художественной литературы. Для книгомана это, бесспорно, рай. Можно прочесть даже очень редкие экземпляры книг, которые и в интернете не найти.

Так мы и ехали. Было уютно и душевно. Пока на самом подъезде к посёлку автобус вдруг резко не затормозил, чуть не съехав в кювет. Леокадия Сергеевна вместе с корзинкой и ежом буквально впечаталась в спинку переднего сиденья. Мне же удалось удержаться и не удариться. По салону пронеслись ругательства.

– Эй, Степаныч, что там? – крикнул кто-то из мужчин, обращаясь к водителю.

– Богорад опять развлекается, – ответил тот. – Подрезал меня.

– Вот же дурень малолетний! – возмутилась сидящая впереди женщина.

– Да не такой и малолетний он уже! А ума так и не нажил! – подал голос кто-то с конца салона.

– Делать ему нечего! Чуть людей не покалечил! – добавила старушка с противоположной от нас стороны автобуса.

Я успела заметить какую-то чёрную иномарку. Поднимая клубы пыли и дерзко рыкнув напоследок мотором, она быстро скрылась из поля зрения.

– Кто такой Богорад? – спросила у своей соседки.

– Максим Богорад. Сынок местного царька. Его отец, Илья Андреевич, был когда-то председателем совета нашего посёлка. А сейчас просто бизнесмен. Но с замашками олигарха.

– Вы же говорили – молодёжь отсюда уезжает. Что же он не уехал? Такие обычно где-нибудь в столице или за границей живут, – заметила я.

– Так и он учится где-то. На юриста, что ли... Точно не знаю, но что-то модное. Уж не на слесаря или сварщика. Видать, папка пристроил. И платит, чтоб его бездельника не отчислили. Максим недавно приехал. Может, выгнали его, наконец. Пафоса и гонора ему не занимать. А по факту – ноль без палочки, точнее без папочки. Обычный папенькин сынок.

Оставшуюся часть пути обсуждали этого Максима и его отца. Тот, как оказалось, в бытность свою председателем, так и не добился газификации посёлка. Только свои не очень законные дела решал, за что ему даже срок грозил. Но в итоге всё обошлось. Односельчане его не любили и считали чуть ли не криминальным авторитетом. Вот так я и начала постигать премудрости жизни в Апрельском, узнавать его жителей.

Выйдя из автобуса, мы с Леокадией Сергеевной пошли вместе. Она показывала мне, где находятся магазины, и рассказывала, кто живёт в домах, мимо которых мы проходили.

– И почему Апрельское называют поселком городского типа? – рассуждала женщина. – Ну какой городской тип? У нас тут три магазина – вот и все местные достопримечательности. А жители все друг другу родственники или кумовья.

«Выходит, правда в таких местах все друг друга знают», – думала я, раньше считавшая эту фразу преувеличением.

Посёлок на первый взгляд показался совсем безлюдным. Невероятно пахли цветущие деревья, пели птицы, грело солнце. Около одного дерева по земле бегала крупная рыжая белка. Когда мы остановились полюбоваться ею, та мигом вскочила на ствол и цепко вскарабкалась по нему. Приятно тут было, от всего веяло спокойствием. После большого шумного города словно оказываешься в мире тишины и лёгкой грусти. Хотелось верить, что мне тут встретятся только хорошие люди.

Вскоре Леокадия Сергеевна со мной попрощалась и свернула в другую сторону. А мне нужно было в поссовет. Там меня ждали.

– Ну, пока! Удачи на новом месте! Потом в гости пригласишь? Ещё на свадьбе твоей, даст бог, погуляю, – подмигнула мне напоследок новая знакомая.

Оформление документов не заняло много времени. Нынешний глава посёлка Апрельское Демьян Данилович Боровенский был до крайности обрадован приездом нового специалиста, поэтому обещал хлопотать о том, чтобы меня как можно скорее оформили. И даже сам подвёз к дому, который мне выделялся в качестве ведомственного жилья. Всё комплиментами сыпал и восхищался моими голубыми глазами.

Весна буйствовала и будто дразнила купажом ароматов. Цвели абрикосы, персики, груши, черешня. Вот-вот собирались раскрыться бутончики на яблоне, а там и сирень следует. И хоть дом мой оказался довольно далеко от места работы, настроения это мне не испортило. Он был небольшой – четыре комнаты, кухня и коридор, из которого вела лестница на чердак. Ещё имелась довольно просторная веранда. Здесь явно давно никто не жил. Вещей от прежних хозяев осталось немного. Но все они были разбросаны как-то хаотично, будто кто-то сюда периодически наведывался и рылся. Что-то искали? Хм... Первое, что бросилось мне в глаза – старый клетчатый чемодан и небрежно скинутый на него китель. На погонах буквы СА, на рукаве шеврон – на голубом фоне желтые крылья и красная звезда. Я понятия не имела, к какому роду войск относился некогда носивший эту форму человек. Быть может, лётчик? Выглядело впечатляюще. Из окна прямо на китель падал луч солнца.

Глава 2

Утром я вышла во двор, спустилась с крыльца и застыла, прислушиваясь. На меня разом пахнуло утренней свежестью и ароматами цветущих деревьев. Тихо... Только птицы упоительно, взхлёб щебечут. Такая правильная, природная тишина зачаровывает. Рассыпанные по траве крупные бусины росы промочили мои мокасины до нитки. Было прохладно, я ёжилась и переступала с ноги на ногу. Но в дом заходить не спешила. Дивно тут всё же.

Первая ночь прошла, я бы сказала, на удивление хорошо. Я выпалась. И ни капли не страшно было одной в пустом доме. Только вот женихи на новом месте не снились. Каким-то проблеском вспыхнул в памяти отрывок сна, в котором я в автобусе мчу по трассе и никак не могу обогнать чёрную иномарку. Но это, видимо, отголосок вчерашних впечатлений.

Мама собиралась приехать ко мне уже в ближайшее время. Наверное, решила, что даже на таком расстоянии глаз с дочери спускать не стоит. А то затянет меня огород, хозяйство, и на парней времени совсем не останется. Ещё, чего доброго, возьму и одним махом превращусь в старушку.

На то, чтобы освоиться и привести в порядок дом, мне выделили целую неделю. Потом следовало выходить на работу. От моего жилища до библиотеки оказалось довольно большое расстояние – километра два. Если в городе я ездила на работу на маршрутке, то здесь нужно было идти пешком. И занимало это около получаса. Что ж, привыкну.

На следующий день после своего приезда я занялась уборкой дома. Часть ненужных вещей вынесла к воротам. Часть оставила на растопку. Зимой ведь придётся чем-то растапливать печь. На работе обещали выделить средства на покупку угля. Благо, дом мой был оснащён котлом, стоявшим в отдельной пристройке. А по всему периметру комнат тянулись трубы и были установлены вполне современные батареи.

Кое-что не громоздкое из старой мебели пока вынесла в сарай. А что-то решила отправить на чердак. То, что лестница на него вела прямо из дома, было очень удобно. Но, как оказалось, на чердаке тоже необходимо навести порядок и избавиться от лишнего барахла. Здесь помимо старой мебели и предметов быта лежала одежда, пачки газет и журналов, свёртки постельного белья и одеял, коробки, чемоданы и многое другое. На самом деле я не любитель копаться в чужом старом тряпье, но ведь теперь этот дом мой и не может же всё это оставаться в нём годами. У меня чердаки вообще ассоциируются с фильмами ужасов. Поэтому я не очень горела желанием там засиживаться. Но когда начала разбирать вещи, сама не заметила, как пробежало время. И нашла много интересного. Например, большую коробку, полную стеклянных новогодних игрушек времён СССР, советские монеты, несколько дореволюционных газет, которые решила отнести в нашу библиотеку. А в большом добротном сундуке, обитом металлическими полосами, оказались книги, целая коллекция старых открыток и ещё сумка с пачкой писем. Все они были запечатаны, но так и не отправлены адресату. Конечно, читать чужие письма нехорошо. Но поскольку со времени их написания прошло много лет, я решила всё же распечатать конверты. Интересно было выяснить, почему их так и не отослали. Но этим я собиралась заняться позднее.

Из головы не шли слова Лёки (так я стала мысленно называть соседку) про свадьбу. Увы, не надо быть гадалкой и провидицей, чтобы понимать – замужество мне не светит. Лет в пятнадцать я искренне считала себя толстухой. Сейчас, конечно, понимаю, что не безобразная, а как говорят в народе, фигуристая. И пусть лишний вес существует скорее в моём воображении, чем в реальности, счастливее это меня не делает. Я всегда чересчур придирчиво рассматривала себя в зеркале. Бабушка когда-то говорила, что у меня самый что ни на есть женственный тип фигуры – «гитара». Но от этого было не легче. Рядом с подтянутыми фитоняшками

я чувствовала себя ужасно неловко. Если быть честной, хрупкие девушки вызывали у меня зависть. Нередко приходилось ловить на себе нескромные взгляды, вызывавшие мучительное смущение, сравнимое с настоящей пыткой. Пышные формы мне достались от бабушки. Она у меня была простая и очень добрая. Нередко горестно вздыхала, приговаривая: «И за что меня господь покарал? Всю жизнь на себе два ведра таскаю». Ей даже бюстгалтеры приходилось на заказ шить. Бельё её размера в те времена было найти проблематично.

Об этом и многом другом думала я, когда выносила на улицу ненужные вещи. Пока меня неожиданно не отвлекли.

– Вы наша новая соседка? – прозвучал вопрос.

Повернула голову и обнаружила, что у калитки стоит весьма дородная женщина. Я готовилась к расспросам и придала лицу максимально дружелюбное выражение.

– Добрый день, – ответила с нажимом, намекая, что и гостье не мешало бы сначала поздороваться. А после добавила: – Да.

– Добро пожаловать. Надолго к нам?

– Как получится.

– Меня Нина Васильевна зовут. Я здесь «уличная».

Заметив мой недоумевающий взгляд, она уточнила:

– В смысле глава уличного комитета, а не проститутка.

Хм, ну и шуточки у неё... Я попыталась мысленно прикинуть, сколько ей лет. Меньше шестидесяти не дашь.

– Так что со всеми вопросами, справками ко мне, – заметила женщина.

Ясно, местная активистка.

– Света, – представилась я. – Хорошо, буду знать.

И продолжила заниматься своими делами.

– Появятся вопросы – обращайтесь, – Нина Васильевна явно не собиралась вот так просто взять и оставить меня в покое. Она с любопытством поглядывала на вещи, которые я складывала у ворот. И этим мне категорически не понравилась.

– У нас тут недалеко, через несколько домов вниз по улице, недавно покойника нашли, – вдруг ни с того ни с сего выдала соседка. – Прямо в доме. Случайно. Лежал там неизвестно сколько.

Я выпрямилась, посмотрела на неё. Такую информацию даже не знаешь, как воспринимать. Конечно, это вызывает шок и ужас. Но зачем подобное рассказывать первому встречному человеку, да ещё и новому жителю посёлка? Всё хорошее впечатление об Апрельском невольно стало улетучиваться. А соседка теперь не нравилась ещё больше.

– Я всегда говорю: нет страшнее смерти, чем смерть одному – в пустом доме, будучи забытым, ушедшим в забвение ещё при жизни, – принялась философствовать женщина. – Больше всего на свете боюсь не смерти, а именно умереть вот так – никому не нужной, в одиночестве. И об этом узнают совершенно случайно. В такие моменты понимаешь, для чего важно иметь семью, друзей, близких. Чтобы в доме всегда царил уют, он был полон гостями, чтобы в нём звучали голоса. В таком месте и умереть не страшно.

Слова Нины Васильевны впечатлили меня и заставили о многом задуматься. Я понятия не имела, что за человек был тот покойный. Даже мужчина это или женщина. И в каком именно доме случилась трагедия. Но всё же мысленно пожелала почившему Царствия Небесного. Хоть земле предали его по-человечески. Жизнь иногда бывает очень страшной...

После всего услышанного меня в очередной раз посетила мысль родить для себя. Признаться, давно об этом думала. Как-то смирилась уже с тем, что большой любви в моей жизни не предвидится. А вот родить – это хорошая идея. Одна не останусь, всё ж близкий человек рядом будет.

На то, чтобы навести хоть какой-то порядок, у меня ушло несколько дней. Занималась я этим уже без бывшего энтузиазма, то и дело возвращаясь мыслями к грустной новости Нины Васильевны. Надо было у неё всё подробно расспросить. Но я как-то растерялась от её напора.

До заинтересовавших меня писем руки пока не дошли. Вот вымою всё в доме, тогда и усядусь за чтение.

Однажды днём переделалась из привычных джинсов в платье и отправилась в магазин. Повседневное серо-голубое, в мелкую клетку, длиной оно было чуть ниже колена и отлично подчеркивало мою неожиданно тонкую для столь пышной фигуры талию. Пожалуй, талия была единственным моим достоинством. Хотя нет, ещё глаза, небесную лазурь которых так расхваливал местечковый председатель Апрельского.

Мне нравилось гулять, рассматривать дома местных жителей, наслаждаться тёплым весенним ветерком. Возле некоторых дворов уже вовсю цвели тюльпаны. В основном самые простые, красные. Но на отдельных клумбах можно было увидеть даже жёлтые, белые и какие-то необычные, полосатые, с резными лепестками. Да и сирень за последние пару дней распустилась. Флёр её душистого аромата буквально преследовал по всему пути до продуктового. Почти у каждого двора имелись один-два куста. Хотя чаще попадались брошенные дома. От нескольких вообще остались только стены, да и то не все. В глубине одного из таких дворов, в зарослях, я разглядела старый колодец. Тот, из которого воду доставали вёдрами. Диковинка для нашего времени. Даже здесь, в Апрельском, у большинства жителей уже были скважины.

Возле местного магазина в районе одиннадцати часов всегда царило оживление. Кажется, здесь собирался весь цвет жителей близлежащих улиц. Потому что в это время привозили хлеб. Пока ожидали хлебовозку, обсуждали сплетни, посевную, погоду, политику и многое другое. Тут же иногда толкалась местная молодёжь да резвилась детвора.

Я подошла и остановилась в сторонке. Не хотелось привлекать к себе излишнее внимание. К слову, Леокадию Сергеевну ещё ни разу тут не встречала. Должно быть, она отоваривалась в другом месте – ближе к трассе. От её дачи туда было удобнее добираться.

Краем глаза заметила уже виденную однажды чёрную иномарку. Впервые за то время, что я жила здесь, этот парень, кажется Максим, приехал к магазину. Среднего телосложения, черноволосый, одет в спортивный костюм, на глазах тёмные очки – это всё, что я успела разглядеть, мельком взглянув на него. Не думаю, что и он ждал хлеба. Скорее приехал по какому-то делу. Возле него, вальяжно присевшего на капот, собралась целая свита из молодых людей. Перекидывались шутками и колкостями. Я не вслушивалась в их болтовню, пока не раздался вполне отчётливый вопрос, в котором явно шла речь обо мне.

– А это кто такая? Раньше не видел у нас тут рыжих.

Я никогда не слышала его голос, но сейчас была уверена, что это он. Говорил молодой человек несколько высокомерно, с усмешкой.

– А, да это новая библиотекаряша, – с готовностью ответил кто-то из его окружения.

Скользнула взглядом по их компании. И обнаружила, что Богорад снял очки и, прищурившись, наблюдает за мной. Причём его нисколько не смущало, что я всё слышу.

Женщины, стоявшие в сторонке, тоже косились на меня с любопытством. Одна спросила, кто я. Другая ответила:

– Библиотекаряша. Из города пожаловала. Боровенский с неё пылинки сдувает, чтоб не сбежала. Даже чтоб траву в её дворе покосить, мужиков пригнал. Беспомощная городская барынька. Я вот, как муж помер, сама всё делаю. И траву кошу.

– Ну ты не сравнивай, – вступилась за меня третья. – Ты в своём дворе косишь, а девушке дали жилье от посёлка. Надо помогать человеку, а не ядом брызгать.

Я делала вид, что не слышу этого разговора. После слов о барыньке стало до крайности неприятно. Ощущение это только усилилось, когда та же дама, что меня совершенно незаслуженно обидела, снова подала голос:

– А что я такого сказала? Ну кто к нам сюда добровольно поедет? Только авантюристка какая-нибудь в поисках приключений. Приелась ей комфортная жизнь, захотелось почувствовать, как оно, – по-простому, без газа и воды.

Это уж слишком. Я решительно поглядела на этих сплетниц, и чётко произнесла:

– В мой дом проведена вода. И туалет есть, если это тоже интересует.

Кумушки моментально притихли. Самая активная даже голову в плечи втянула. С другой стороны раздались по-королевски сдержанные и чёткие хлопки в ладоши, а следом приглушённые смешки придворных. Я оглянулась и обнаружила, что этот самый парень, которого все не любили, Богорад, одобрительно показывает мне большой палец вверх.

Глава 3

Через пару дней приехала мама. А папа не смог из-за работы. Он водитель на скорой помощи.

Если пропустить мимо ушей поток возмущений тем, как далеко от благ цивилизации находится мой дом, в каких жутких условиях мне придётся здесь прозябать, и прочее в том же духе, то в целом мы очень даже неплохо проводили время. Мама помогла мне с уборкой и нажарила умопомрачительных пирожков с картошкой. Пока она возилась на кухне, ругая себе под нос мою электропечку, я, наконец, смогла заняться изучением заинтересовавших меня вещей.

Чердак мой был самый настоящий, с полумраком, и может быть даже привидениями. Но надеюсь, что без них. Выглядело всё это очень атмосферно – паутина, накопленная годами и никем не тронутая, пыль везде, скрипы на все лады и зыбкий свет между досками... А ещё почему-то запах лета и детства. И больше никакой ассоциации с фильмами ужасов. Место, полное старых вещей и ностальгии по временам, о которых я знаю только по рассказам бабушки и родителей.

Помещение казалось огромным и тёмным. Но только на первый взгляд здесь царил беспорядок. Если присмотреться, все вещи были разложены по местам. Темно здесь тоже было только сначала, после солнца. Свет сюда попадал косым лучом через окно. И в луче этом летала, резвилась, поблёскивала пыль. Она была повсюду и прятала под собой уйму интересного.

В самом дальнем углу стояла старая железная кровать с сеткой. Остаётся только догадываться, как её сюда затащили. Может быть, кто-то когда-то здесь обитал?

На такую догадку наталкивала и этажерка с книгами. Книг было много. Видимо, хозяева снесли сюда то, что не читали. Потому что в основном это были советские учебники. На одной из полок стояла коробка с виниловыми пластинками. Их я тоже подумывала спустить вниз и рассмотреть. Может быть, где-то здесь прячется и проигрыватель для них.

Под потолком на одной из балок висел старинный фонарь, а у кровати стояла керосиновая лампа. Эти детали придавали чердаку особенного колорита.

Когда я, чумахая от пыли, слезла с чердака, таща за собой сумку с письмами, мама тоже изъявила желание побывать наверху. Вместе вести раскопки оказалось гораздо веселее и место это стало казаться ещё более волшебным. Мы обнаружили два альбома с марками, швейную машинку, баян. Самыми неожиданными находками оказались несколько патронов от винтовки, ружьё, шомпол, почти сгнивший и сильно погрызенный мышами патронташ... Всё это мама рассматривала с неподдельным интересом. Даже неожиданно было увидеть её такой увлечённой. Чердак был хоть и не наш, но вызывал массу эмоций, переживаний, и даже умиление. Особенно когда мама находила какую-нибудь книгу, открытку или вещь и радостно восклицала: «Ой, и у меня такое было!» Например, обнаружив лыжи «Телеханы», упоённо рассказывала, как они в школьные годы ходили в лыжный поход всем классом.

Поистине сказка! Только в сказках если кто-то заберётся на чердак, то обязательно начнутся приключения... Надеюсь, в нашем случае всё закончится просто уборкой и интересными находками, а не попаданием в Нарнию.

Мама очень растрогалась после посещения чердака. Стала задумчивая.

– Как же приятно видеть вокруг себя вещи не банальные, а с историей, с загадочным прошлым. Может так стареют? – спросила она.

И призналась, что любит чердаки.

– Лет в десять, когда я приходила к подружке в гости, мы залезали на чердак и там играли. Там стоял старый диван. Ещё там была посуда и всякий хлам. Моя бабушка жила в деревне. Но вот её чердак я не любила. На нём хранились не очень приятные вещи. Например, костыли, инвалидная коляска. В том доме жила моя прабабушка, которая перед смертью болела. А соседство костылей, пустых упаковок от лекарств вызывает только грусть.

– А почему мы туда никогда не ездили? – спросила я.

На самом деле мама впервые упомянула о своих бабушке и прабабушке. Она вообще мало откровенничала со мной.

– Тот дом мои родители продали. И ещё мне всегда казалось, что там обитал дух прабабушки, – тихо сказала мама, глядя куда-то в пустоту.

– Почему ты так думаешь? – я невольно содрогнулась.

– Ну... Например, когда мы туда приезжали, мать спала на её кровати. Был случай, когда она её застелила, и мы вышли во двор. А вернувшись, увидели, что кровать смята, как будто на ней кто-то лежал. Хотя в доме кроме нас, никого не было, и он был заперт на ключ.

– Это как в той сказке, про медведей: «Кто лежал на моей кровати и смял её?!» – попыталась пошутить я, чтобы себя подбодрить.

Никогда не думала, что и в моей семье имели место встречи с паранормальным.

– Ну и эти звуки с чердака по ночам, – серьёзно продолжала мама. – Я, конечно, понимаю, что в них, скорее всего, нет ничего потустороннего. Но когда слышишь вдруг среди ночи какой-то стук или скрип сверху – становится жутковато. Кстати, на чердаках, по поверьям, нередко живут домовые. На чердаках и за печкой.

– Брр... Ма, давай сменим тему. А то я потом тут спать не смогу, – попросила почти жалобно.

На следующий день, сидя на веранде и наслаждаясь зелёным чаем, я всё-таки занялась найденными на чердаке письмами. Их насчитывалось более тридцати. Все были адресованы одному и тому же человеку – женщине по имени Галина Васильевна Варвина, проживавшей в небольшом городке, расположенном километров за десять от Апрельского. Все датированы шестидесятыми годами минувшего века, запечатаны в конверты с наклеенными марками, но по какой-то причине так и не отправлены. В отправителях значилась Попова А.Б. и указан адрес дома, в котором я теперь проживаю – улица Лермонтова, 25. Возникал естественный вопрос – почему их не отправили или не уничтожили?

Письма были сложены в несколько отдельных стопок и перевязаны бечёвкой. В каком порядке их следовало читать, я понятия не имела. Старалась открывать по одному в том порядке, в каком они лежали. Судя по указанным датам, их упаковали в разброс, не глядя на очерёдность. Из-за того, что письма хранились на чердаке, они сильно пострадали от сырости. Теперь текст был плохо разборчив, чернила частично выцвели. Из того, что удавалось прочесть, я сделала следующий вывод – это одна подруга писала другой. Речь шла о... Даже не знаю, правильно ли я понимала смысл описанного в них. Поэтому пока не решусь делать какие-то выводы и пересказывать содержание. Слишком мало информации. Чтобы прочесть всё, нужно много времени. Поверить в то, о чём писала автор, было чрезвычайно сложно. Тем более что речь шла о событиях, произошедших в годы войны. Если же всё правда... Такое в голове не укладывалось. Не верилось, что так бывает. В кино и книгах – да. Но в реальной жизни... Хотя в те непростые времена случалось даже невозможное. Вникнув в текст, я начала понимать, почему письма накапливались, но так и не были отправлены. В них описывалась целая интрига, или, скорее, невольное преступление... Вот бы найти потомков адресата этих писем и узнать, как сложились их судьбы! На самом деле я всё больше утверждалась в мысли, что это настоящая историческая находка.

Когда совсем стемнело, снаружи начал моросить дождь и пару раз мигал свет, я зашла с веранды в дом. Чтение писем было снова отложено на потом.

Мама готовила ужин. Завидев меня, поинтересовалась, что удалось вычитать. Но мне теперь совсем не хотелось с кем-либо делиться этим. Женщина писала о настолько личном и печальном... Мне неловко было за своё невольное вторжение в эту историю. Я даже подумывала о том, чтобы вернуть всё на место, как было. Это прикосновение к чужим тайнам, даже спустя столько лет, вызывало чувство неловкости и стыда, будто я заглядывала в замочную скважину и была застигнута врасплох. Мне нужно было самой для себя разобраться, всё упорядочить в голове, обдумать. Может быть, узнать больше о прежних жильцах этого дома. И тогда я бы могла делать какие-то выводы. А пока просто отмахнулась, сказав, что ничего интересного не прочла. Обычные поздравления с праздниками, описание повседневной жизни, бытовые проблемы и ничего более. Да, так будет лучше. Мама рассеянно кивнула.

– Ну, раз ничего интересного, тогда садись за стол.

В ту ночь я долго ворочалась, размышляя о прочитанном. Но едва успела заснуть, как моё сознание внезапно вынырнуло из мира сновидений. Снаружи, сквозь шум ливня, доносились поистине душераздирающие звуки. Первая мысль, на которой я себя поймала – вокруг абсолютная, непроглядная темень. Ещё не совсем проснувшийся мозг сразу отметил то, что погас ночник. Стало быть, электричество всё-таки пропало.

Я лежала, вслушиваясь в шелест воды и тревожный стук собственного сердца, пока вновь не уловила этот пронзительный звук, вызвавший в душе смятение. Кто-то отчаянно молил о помощи, жалобно плача. Я нащупала на тумбочке телефон и включила фонарик.

Мама тоже проснулась. И когда увидела, что я встала, накинула кофту и направилась к двери, то поспешила следом.

– Ты куда собралась? Не выходи! Вдруг это специально выманивают так, чтоб в дом проникнуть и ограбить!

– Ма! – я укоризненно фыркнула.

Там звали! Нужно было побороть свой собственный страх и спешить. Земля во дворе размокла и превратилась в жидкое месиво. Только бы не поскользнуться! Писк доносился от ворот.

– Кис-кис-кис, – позвала я, вглядываясь в темноту.

Мяуканье сначала затихло, но через минуту началось с новой силой. Луч фонарика шарил по траве и дорожке, ведущей от калитки. Наконец я увидела вжавшегося в ворота котёнка. Малюсенький, мокрый, шурящий от направленного на него света. При виде меня он стал метаться из стороны в сторону, а потом ткнулся мордашкой себе в передние лапы, чтобы не видеть надвигающейся на него угрозы, и смиренно затих в ожидании своей участи. То ли от страха, то ли просто сил не было. Я подняла почти невесомое создание и понесла в дом.

Почти до самого утра мы нянчились с этим крохой. Его явно подкинули. Скорее всего, просто перебросили через забор. Такой маленький, в сильный дождь он бы вряд ли пришёл сюда сам. И я не слышала, чтобы у кого-то из соседей была кошка с котятами.

При ближайшем знакомстве он оказался рыжим, то есть, скорее всего, это был кот. Рассмотреть в шерсти половую принадлежность подкидыша пока не представлялось возможным, поскольку мех, прилипший к тощему дрожащему тельцу, начал высыхать и топорщиться во все стороны. Котенок наверняка ещё и пушистый.

Я накормила его оставшимся от ужина картофельным пюре и кусочком тефтели. Не самая подходящая еда для такого малыша, но пока ничего другого я ему предложить не могла. Он ел, жадно рыча и даже пытаясь драться, если ему казалось, что кто-то приближается к мисочке. После того, как все до крошки было съедено, покорно разрешил взять себя на руки и завернуть в полотенце. Нужно было как следует его обсушить и согреть. Интересно, здесь или где-нибудь поблизости есть ветеринар? – задумалась я. Не мешало бы показать его врачу. Мама, глядя на то, как я с ним вожусь, заявила, что это всё нереализованный материнский инстинкт. Я не стала спорить. Заснули мы уже ближе к утру. Причём мой питомец отказался

спать в предложенной ему коробке и пищал, пока я не взяла его к себе. Как-то само собой возникло имя – Лис.

Проводила я маму днём в воскресенье. А в понедельник у меня был первый рабочий день. Вот и пролетела моя свободная неделя. Собиралась я тщательно. Заранее подготовила костюм персикового цвета – юбку-плиссе длиной до середины икры и жакет с объёмными пуговицами. Под такой наряд отлично подходили кроссовки. Видела бы меня мама! Она всегда осуждала современный стиль одежды. Но преодолеть два километра в туфлях на каблуках было выше моих сил.

Проинструктировав на все случаи жизни Лиса, который за день вполне неплохо освоился, я вышла и заперла двери. Пыталась унять волнение, но выходило плохо. Кажется, я и не заметила бы ожидавший меня сюрприз, если бы он буквально не рухнул на меня сверху. Кто-то всунул между воротами и калиткой охапку сирени! И не жалко же было кусты ломать! Наверняка пошутить решили. Или домом ошиблись. Сомневаюсь, что у меня здесь успел появиться поклонник.

Глава 4

Пришлось вернуться и поставить букет в вазу. Мелькнула мысль, что возвращаться – плохая примета. Но в приметы я не верила. А когда, наконец, вышла из дома, чтобы отправиться на работу, то обнаружила припаркованную у противоположного дома чёрную иномарку и её хозяина, сидевшего на капоте. Одет он был в кожаную куртку, джинсы и кроссовки. Ему бы куда больше подошёл мотоцикл.

Взглянула и отвернулась, намереваясь пройти мимо. Хотя признаюсь, внутри что-то ёкнуло. А Богорад вдруг обратился ко мне:

– Доброе утро.

Здесь было принято со всеми здороваться. После городской жизни, где никому ни до кого нет дела, это казалось весьма непривычным. Я даже не сразу сообразила, что приветствие было адресовано именно мне.

– Доброе утро, – ответила недостаточно уверенно, внутренне ожидая подвоха.

– Вас подвезти? – снова заговорил Максим.

Было бы неплохо. По крайней мере, не запыхаются мои белые кроссовки. Да и вообще, кто же откажется от комфортной поездки на автомобиле взамен изнуряющей пешей прогулки по дороге, собравшей все возможные изъёмы в виде колдобин, луж, рытин и бугров? Но я почему-то смутилась. Он смотрел как-то... Даже не знаю, какое слово подобрать. Под его взглядом хотелось поёжиться. Интересно, сколько ему лет? На первый взгляд, чуть больше двадцати. Во всяком случае, точно меньше, чем мне. Плечи у него не сказать, чтоб очень широкие, но в целом фигура хорошая. Не качок, однако мышцы просматриваются даже через одежду. Загорелый, или просто такой смуглый... Глаза почти чёрные. Когда я всё же села на пассажирское сиденье его машины, то заметила, что мои руки, по сравнению с его, до неприличия белоснежные. Я белокожая, лицо всё в веснушках. Поэтому стараюсь не загорать.

– Максим, – не поворачивая головы, представился он.

Конечно, откуда ему было знать, что я о нём уже много наслышана.

– Светлана, – как-то чересчур робко пролепетала я.

Надо было о чём-то говорить. Не молчать же всю дорогу. Максим смотрел по зеркалам, выливая с нашей улицы и пытаясь не угодить колесом в какую-нибудь выбоину.

– А правда, у вас тут недавно нашли мертвеца в заброшенном доме? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Да, – ответил мой неожиданный водитель после небольшой заминки. – Ты уже слышала? Ну что сказать... Ужасно, конечно, но... обыденно. Глушь, возможно, алкоголь или болезни, одиночество – вот и закономерная смерть.

– Печально. Но хорошо, что это не убийство, – заметила я.

Он посмотрел как-то странно.

– Вообще были такие слухи, что якобы убили его.

Пока я соображала, что спросить, Максим меня опередил:

– Не страшно тебе одной жить?

Вначале было нормально. До того, как соседка рассказала мне об этом умершем в одиночестве человеке. Тогда я и осознала, что на самом деле жутко страшно. В округе несколько брошенных домов. А у меня даже собаки нет. Сплю с включенным ночником в виде цветка орхидеи. И если, например, отключат электричество, когда буду дома одна, я с ума сойду от ужаса. Мне хотелось спросить, не знает ли он, что за человек был покойный, как его звали. Но всё это разом вылетело из головы. Его вопрос прозвучал как-то зловеще, что ли.

– А есть, чего бояться? – сглотнув ком в горле, ответила я вопросом на вопрос.

– Да нет, – Максим пожал плечами. – Народ здесь нормальный. Не думаю, что кто-то к тебе в дом полезет среди ночи.

И всё же разговор наш меня насторожил. А мой новый знакомый, кажется, это понял. Сделал брови домиком, поглядел с жалостью.

– Ты чего нос повесила? Испугалась, что ли? Не бери в голову! Если хочешь, пушу среди местных тёток слух, что ты ведьма, колдуешь по ночам. Тогда тебя гарантированно будут десятой дорогой обходить.

– Пф, ну спасибо. Учитывая то, что я рыжая, особо суеверные могут проникнуться этой идеей.

– И что? Сожгут тебя на костре? – он усмехнулся. – А потом съедят!

Тоже мне остряк.

– Вот и твоя библиотека, – заметил Максим.

Действительно, мы приближались к небольшому одноэтажному зданию. Рядом с библиотекой находился местный клуб и какой-то обелиск.

– Спасибо, что подвёз. Заходи к нам почитать.

– Нет уж, благодарю. Если честно, библиотеки я ещё со школы терпеть не могу. Да и сейчас мне учёбы хватает, – отмахнулся парень.

Кстати, я только теперь заметила, что мы сразу перешли на ты. Весь день прокручивала в голове эту короткую поездку, ставшую для меня целым событием. Неужели он принёс сирень? Я ведь так и не спросила. И не поблагодарила, если всё же он. Вместо этого говорили на какие-то совсем уж не романтические темы. Хотя, какая может быть романтика! Я одёрнула себя, посчитав, что мысли мои устремлены не в том направлении.

Как он вообще оказался в восемь утра у моего дома? Сколько ему лет? Чем занимается? В общем, ничего действительно важного я не спросила. И неизвестно, представится ли ещё возможность это выяснить.

Не могу сказать, что меня это расстраивает. Этот парень совершенно не в моём вкусе и как человек мне несколько не интересен. Видно, что мы из разного теста. Я люблю вечерами сидеть дома с книгой, а он, наверняка, считает таких как я занудами и тихонями. Последний прочитанный роман с ним не обсудишь. А говорить о местных сплетнях или музыкальных новинках мне не интересно. Выходит, нет у нас ничего общего. Вот и не стоит себя накручивать, думать о нём.

Я всячески старалась погрузиться в работу, рисуя стенгазету ко Дню Победы и готовясь к мероприятию для школьников. Это было первым моим заданием на новом месте. Но мысли упорно возвращались к неожиданному утреннему знакомству.

Работать мне предстояло с ещё одним библиотекарем. Она являлась заведующей филиалом, отвечала за работу абонемента и комплектование библиотечного фонда. Я же должна была взять на себя читальный зал и организацию различных мероприятий и выставок. Звали мою начальницу Александрой. Это была особа лет тридцати пяти, довольно приятная в общении и симпатичная внешне. Мы как-то сразу нашли общий язык и поняли, что сработаемся.

Наш библиотечный филиал был сравнительно большим. Тут имелись отдел абонемента, читальный зал, отдел краеведения и книгохранилище. Негласно ещё и отдел детской литературы подразумевался, хотя мы являемся филиалом библиотеки для взрослых. Но надо же кому-то работать с детьми. А школьники составляли большой процент наших читателей. Для них проводились выставки, встречи со знаковыми личностями, различные образовательные и игровые мероприятия. Движение здесь, по сравнению с центральной библиотекой, где я раньше работала, оказалось совсем вялым. Большую часть дня мы занимались каждая своими делами.

После того, как Максим оказался у моего дома и предложил подвезти, я была почти уверена, что котёнок и сирень – это его рук дело. Только не понимала, зачем. Если это ухаживания, то какие-то неуклюжие. Во всяком случае, котёнок, подброшенный во двор, никак не вязался у

меня с образом самоуверенного Богорада. Моё замешательство только усилилось, потому что больше он не появлялся. И в связи с этим становилось понятно – никаких ухаживаний в мою сторону нет и в помине. А соседка-активистка, которую я случайно встретила, возвращаясь с работы, призналась, что это она подбросила мне котёнка. На самом деле кто-то принёс его к ней под ворота. Но у неё уже три кошки и ещё одного она не прокормит. Вот и решила, что животному будет лучше у меня. И что если бы она его открыто принесла, я могла отказаться, а так у меня вроде как не осталось выбора. Странное пояснение, как и сам поступок. Вообще я успела заметить, что эта Нина Васильевна весьма своеобразная дама. Она, к слову, присвоила почти все, выставленные мною за ворота вещи. Таким образом, я выяснила, что котёнка точно принес не Максим. Насчёт сирени вопрос оставался открытым, но и ответ на него волновал меня куда меньше.

Кроме Богорада мои мысли стали занимать найденные на чердаке письма. Поэтому на выходных я решила навестить Леокадию Сергеевну. Интересно, как там Кактус? Освоился? Не сбежал к сородичам? Улицу и номер своего дома женщина мне говорила, а ещё приглашала на чай. Только вот номер её телефона я не знала. Придётся наведаться без предупреждения. К Леокадии Сергеевне у меня был вполне конкретный разговор. Она пока являлась здесь единственным человеком, с кем я могла побеседовать без опасений, что мои вопросы неправильно воспримут.

У ворот дачи Лёки меня встретили два кота – серый и чёрный с белыми лапками. Обоих погладила, почесала за ушами, в общем, задобрила, как могла. Поэтому шерстяная свита провожала меня к хозяйке под звуки бравого тракторного урчания, почти как под барабанную дробь.

Леокадия Сергеевна поливала цветы. Пышным дождём мелкие серебристые струйки воды накрывали клумбы тюльпанов, солнечных нарциссов, петушков и других неизвестных мне цветов. А в их каскаде играла яркая радуга. На Лёке была соломенная шляпа. При виде меня женщина искренне обрадовалась, бросила все дела и поспешила ставить чайник.

В саду стояла добротная деревянная скамья-качели. В ожидании Леокадии Сергеевны я расположилась на ней и ко мне присоединились оба кота. Серый растянулся рядом, а его чёрный коллега забрался на колени и норовил понюхать моё лицо.

На скамье лежала книга. Это была «Маленькая хозяйка большого дома» Джека Лондона. Даже дословно помню одну из моих любимых цитат оттуда: *«Мужчина, способный бить любимую женщину, – это мужчина низшего типа. И женщина, любящая такого мужчину, – тоже существо низшего типа. Никогда мужчина высшего типа не будет бить женщину, которую он любит. И ни одна женщина высшего типа, – при этом глаза Лео невольно обратились в сторону Паолы, – не могла бы любить человека, который её бьёт».*

В юности много раз перечитывала эту историю и очень злилась на главную героиню. Не понимала, почему Паола решила всё таким страшным способом. Не могла предать уже нелюбимого мужа и уйти к другому, поэтому убила себя. Как бы я сама поступила в такой ситуации? Кого бы выбрала? Я не могу ответить себе на этот вопрос. К счастью или сожалению, у меня нет ни мужа, ни любовника...

– Как же хорошо, что ты зашла, рыбка моя золотая, – раздался голос Леокадии Сергеевны. Она несла на подносе чашки, печенье и конфеты.

– Давайте помогу, – я всё взяла у неё и принялась расставлять на столе.

Как выяснилось, ежа увидеть пока не представляется возможным. Днём он спал в своём лукошке. Посему компанию нам составляли только коты. Звали их Венья и Гоша.

– А давно вы живёте в Апрельском? – поинтересовалась я, когда мы наконец расположились в беседке.

– Лет двадцать, – стала охотно рассказывать Лёка. – У меня тётка отсюда. Она мне дом завещала. Мы с мужем сделали тут дачу, постоянно не жили. Теперь вот сама занимаюсь. Иногда дети с семьями приезжают. А ты почему спрашиваешь?

– Да просто хочется больше узнать о посёлке, его истории. Остались ли тут старожилы, те, кто ещё войну застал?

– Ой, милая, даже не знаю. Стариков совсем мало. Особенно таких, кто в здравом уме и способен что-нибудь вспомнить. Да ты в своей библиотеке поищи. Должна быть подшивка газетки, что одно время наш поссовет издавал. Точнее редакция при нём была, а печатали в городе, в типографии. Может там что и найдешь. А что именно тебя интересует?

– Всё, – уклончиво ответила я. – В общем, о посёлке хотелось бы почитать что-то или чьи-нибудь воспоминания послушать.

– Надо подумать, кто мог бы тебе рассказать...

– Может кто-то помнит прежних хозяев моего дома, – уточнила я. – Было бы интересно о них больше узнать.

– Ну, поищем, поищем, – заверила меня Лёка.

– А меня в понедельник Максим Богорад подвёз к работе. Он был как раз на нашей улице, когда я вышла. Вот и предложил подвезти, – не знаю зачем, похвасталась я.

– Да? – Леокадия Сергеевна поглядела недоверчиво, с сомнением. – Максим? Нарочно приехал утром, чтобы подвезти тебя на работу?

– Я не знаю, может случайно оказался поблизости, – добавила поспешно.

– И всё равно. Никогда бы не подумала. Ты не принимай на свой счёт и не обижайся, Светлана, но ты совсем не его типаж. Может ему что-нибудь нужно от тебя? Чтоб курсовую написала за него, например.

Я была задета, но старалась не подавать виду.

– Про Максима каждая дворняга в посёлке знает, какой он бабник и мажор. Это как если бы прожжённый бойцовый пёс решил за домашней болоночкой приударить. Ты настолько положительная, правильная, хорошая... Извини, но не может такой парень это оценить по достоинству, – продолжала Леокадия Сергеевна. – Папаша его – высокомерное хамло. Я ему однажды так и сказала: «Очень жаль, Илья, что тебя не посадили за твои махинации!» Максим такой же, поверь.

Я молчала, делая вид, что очень увлечена чаем.

– Так и о чём общались? – поинтересовалась моя собеседница.

– Ни о чём конкретном. Так, обсуждали недавнее событие. Ну то, что мертвеца нашли в доме...

– А, ясно.

На самом деле я уже жалела, что рассказала о приезде Максима Лёке. Только настроение испортила и поселила в душу ещё большие сомнения. Не могла я поверить в то, что Максим такой уж плохой. Он производил впечатление нормального адекватного парня. И мне было обидно, что все вешают на него ярлыки. Бабушка когда-то говорила: «Люди могут считать тебя любым человеком – плохим или хорошим. В сущности, их мнение не так уж важно. А вот высшие силы знают, какой ты на самом деле и дают тебе то, чего ты заслуживаешь». Она всегда считала, что все мы в жизни рано или поздно отвечаем за свои поступки.

Почему-то посиделки с Лёкой навевали на меня грусть и воспоминания о детстве – самом счастливом времени в жизни, когда кажется, что бабушки и дедушки вечны, а все люди вокруг добры.

Глава 5

Лис обгрыз мой единственный комнатный цветок. Я понятия не имела, что это за растение, ядовитое оно или нет. Просто время от времени поливала его, и он даже не пожух, выглядел вполне жизнерадостным. До тех пор, пока его чуть не съели. Убирая пожёванные листья и следы рвоты котёнка, который, по всей видимости, таким образом решил почистить себе желудок, я рисковала опоздать на работу. Вот бы кто-нибудь подвёз. Сейчас это было бы как раз кстати. Да и не кто-нибудь... Я думала о вполне конкретном человеке.

Словно угадав мои мысли, Максим снова оказался у моего дома, но на сей раз, сидя на мотоцикле. В марках мотоциклов я не разбираюсь, но и без этого было видно, что он дорогой и модный. Блестящий, красный, с хромированным капотом обтекаемой формы. Максим, словно герой какого-то молодёжного сериала или модель глянцевого журнала, присел на сиденье, держа в руках шлем. Покрасоваться, что ли, сюда приехал?

– Привет, подвезти? – заметив мой взгляд, первым заговорил он.

– Нет, спасибо, я боюсь ездить на мотоциклах.

– У меня есть ещё один шлем.

– А с ним и запасная голова? – уточнила я.

Кроме того, на мне была светлая юбка и белые слипоны. Всё это наверняка испачкается во время езды. А ещё я представила, как будет развеиваться моя юбка, и категорично отмела идею всё же попробовать. Но через пару минут уже ехала, сидя позади него и изо всех сил вцепившись в его куртку. О том, чтобы обхватить его за талию, и речи не могло быть. Я жутко смущалась от одной мысли об этом. Несмотря на шлем, в ушах гудел ветер. Я жмурилась, боясь выглянуть из-за его спины и посмотреть вперёд. И мысленно умоляла его не гнать слишком быстро. Как он меня уговорил на эту авантюру – я так и не поняла. Посмотрел своими огромными чёрными глазами, и я сдалась.

Потом мы немного поболтали у ступенек библиотеки. Мне нужно было прийти в себя. Нет, бесспорно, это захватывающе! Но всё же риск. Эту мысль я и попыталась донести до Максима.

– Да не, мотоцикл – это классно! – он явно был со мной не согласен. – Особенно такой, спорт-турер. И он не опаснее другого транспорта. Если уметь пользоваться.

Ага, я помню, как он на машине подрезал пассажирский автобус. Если он так же безумно носится на своём спорт-турере...

Максим увлечённо рассказывал о мотоциклах, когда с нами поравнялась проходившая мимо молодая женщина. Если не ошибаюсь, её зовут Рита и она продавец одного из местных магазинов.

– Привет, Максимилиан!

Парень обернулся.

– Привет, – обронил небрежно.

Не знаю, показалось мне или нет, но на лице его появилось выражение неприязни.

– Что-то ты давно не появлялся в наших краях. А в последнее время прямо зачастил. Недавно видела твою машину, отъезжавшую от библиотеки, – кокетливо проговорила Рита, будто не замечая его хмурого вида.

– Да так. Книжку брал почитать, – ответил он.

– Ну удачи и приятного чтения, – Рита почему-то засмеялась.

Когда она исчезла из виду, Максим как ни в чём не бывало вернулся к теме нашей беседы. А мне стало интересно, чего это с ним заигрывает женщина как минимум на пять лет старше меня, а ему вообще подходившая на роль школьной учительницы, но никак не в подружки.

– Не спорт-байк, конечно, но всё же когда по трассе мчишь – ощущения фантастические! – продолжал парень. – И они не притупляются никогда! Чувствуешь себя отточенным ножом, режущим воздух как пирог. Ты просто летишь! Это ощущение полёта обволакивает тело, целует тебя, ласкает, как руки женщины. Ни одна машина такого ощущения не даёт. Авто – это необходимость. А мотоцикл – вещь для удовольствия, кайфа, оттяга! У меня раньше другой был, попроще. Но, раз попробовав, отказаться уже не можешь, хочется много и разных. Как с девушками.

Меня от такого сравнения покорило. Он же моего возмущения не заметил и продолжал рассуждать на близкую ему тему.

– Вот, кстати, с сексом очень удачное сравнение. Только ты не подумай, из-за мотоцикла с девушками я спать не перестал.

Кажется, я густо покраснела. Может быть, я неправильно воспитана, но упоминание секса всегда вызывает у меня жуткое смущение.

– Ладно, мне пора, – засуетилась, чтобы скрыть это. – А то опоздаю. Спасибо, что подвёз.

Почему он приехал и предложил подвезти, я не спрашивала. Страшно было. Не думаю, что из-за какой-то внезапно нахлынувшей симпатии. Я свою внешность оцениваю трезво, поэтому в такое не верю.

– Не за что, – отозвался Максим. – Надеюсь, тебя езда на мотоцикле не очень шокировала?

Это было сказано без иронии, поэтому я не чувствовала себя задетой.

– Нет, даже понравилось.

– Это хорошо. Ну, тогда пока.

– Постой, Максим, – вдруг окликнула я его.

Он уже собирался перекинуть ногу через сиденье, но остановился и обернулся.

– Что?

– На кого ты учишься? – спросила я, помня, что где-то слышала, будто на юриста.

– Военный переводчик.

Видимо, выражение моего лица значительно изменилось, потому что он спросил:

– Ты удивлена?

– Не то слово... – вымолвила я.

– Так все реагируют. Учусь в военном университете на кафедре иностранных языков.

На работу я всё-таки попала вовремя. Заметив многозначительную улыбку коллеги, стоявшей у окна и наверняка видевшей, как Максим меня привёз, я не стала придавать ей значения. Если мне и Саша начнёт рассказывать, какой это непутёвый парень или что-нибудь в этом роде, я опять расстроюсь. И так после общения с Леокадией Сергеевной с трудом отошла. Поэтому зареклась кого-либо посвящать в свою личную жизнь.

Кстати, Лёка мне позвонила в разгар рабочего дня, когда я как раз просматривала подшивку газеты «Апрельское сегодня». Последний номер вышел больше десяти лет назад. Да и вся подшивка оказалась, к моему сожалению, очень тощей. Это была тоненькая газетёнка в четыре разворота. За весь день я вполне могла успеть просмотреть все имеющиеся в наличии номера.

Звонок Леокадии Сергеевны касался как раз истории посёлка. Она, как и обещала, нашла человека, прожившего здесь всю жизнь.

– Из переживших войну у нас, как выяснилось, одна баба Сима осталась, – сообщила мне знакомая. – Ей тогда было пять или шесть лет. Может, что и вспомнит.

Мы договорились навестить эту пожилую женщину на выходных.

Новость о том, что возможно, получится задать волнующие меня вопросы человеку, который с большой долей вероятности знает на них ответы, подняла мне настроение.

Несколько дней я не видела Максима. Но зайдя в соцсети, где бываю весьма редко, обнаружила, что он предложил мне дружбу. Его профиль я, конечно же, изучила вдоль и поперёк. Хотя информации на странице было немного. Да и снимков оказалось негусто. На некоторых он был в компании друзей в клубе, на других – один на фоне каких-то достопримечательностей в разных городах Европы и на отдыхе то ли в Турции, то ли в Египте. На паре фотографий он был с девушками. Но на всех с разными. Я обратила внимание на даты – все фото выложены несколько лет назад. Свежих снимков нет. Окинув критическим взглядом свои страничку и удалив не очень удачные на мой взгляд фотографии, я добавила его в друзья. А потом то и дело заглядывала, не написал ли он мне что-нибудь...

В среду утром Максим снова приехал к моему дому. На сей раз на машине и с ребёнком. Я села в автомобиль и заметила на заднем сидении какое-то движение. Обернулась и обнаружила там мальчика лет восьми-деяти.

– Привет, – обратилась я к нему и он тоже поздоровался.

– Это племянник, – заметил Максим, не оборачиваясь.

Он выезжал с улицы и следил за дорогой. – Кирилл. Сегодня он школу прогуливает. Так что пришлось с ним к тебе заехать. Сказал ему, если будет доставать своей болтовнёй, цыганам отдам.

– Прогуливать школу вообще-то нехорошо, – заметила я.

– Слушай, – он закинул руку на спинку моего сидения и повернулся ко мне. – А давай и ты работу прогуляешь?

– В каком смысле? Зачем? – не поняла я.

– Позвони, скажи, что приболела. И поедem, покатаемcя по местам моей боевой славы. Покажу, где проходило моё детство. Красотами нашего посёлка полюбуемcя.

Вот это меня заинтересовало особенно. Учитывая то, что я хотела узнать об этом месте как можно больше, предложение Максима выглядело весьма заманчивым. Да и провести в его обществе весь день, что скрывать, очень хотелось. Я начинала прикипать к нему, сама того не желая.

Заведущая в мою легенду о плохом самочувствии сразу поверила и без проблем отпустила. Если честно, совесть меня нисколько не мучила.

Пока мы куда-то ехали (я понятия не имела, куда), Максим с Кириллом постоянно болтали, что-нибудь рассказывали и спорили. Мальчик клянчил у дяди какие-то суперкрутые беспроводные наушники.

– Не отдам, я тебе сказал, – не сдавался Максим. – Они мне самому нужны. Купи себе такие же.

– Я ребёнок, а у детей не бывает своих денег! – возразил Кирилл.

– Значит, иди воруй. Я в твоём возрасте уже воровал.

– Максим! – строго одёрнула его я. – Ну что за шутки! Нет бы что-то дельное племяннику посоветовать!

– Не подумал. Вот это я мухомор!

Мы засмеялись.

– Мне на днях подкинули котёнка, представляешь? – вдруг вспомнила я.

– Да? Бывает. Тут у всех кошки плодятся без передыху. Мать тоже со своей Аськой носитcя. Кошка у неё, конечно, красивая, породистая, но стерва! Я лично больше собак люблю. У меня был пёс, немецкая овчарка. Султан. Очень добрый. Нашкодит, потом придёт, морду на колени опустит, и глаза такие состряпает, что ему заранее всё прощаешь.

Этими рассказами о собаке он очень подкупил меня.

– О, я помню, как Султан погрыз твои новые кроссы, которые тебе дедa откуда-то из-за границы привёз. Ты тогда сильно плакал! – заметил Кирилл.

– Я не плакал. Я просто очень расстроился, – поправил его Максим.

– Нет, ты плакал. Дед Илья ещё сказал, что ты ревёшь, как девка. Он всегда говорит «йоптворюмать». И тогда так говорил. Самое страшное его ругательство.

– Так, это что ещё? Я не понял! – Максим обернулся к племяннику. – Не дорос, чтоб за дедом повторять! Я в восемь лет таких слов не говорил!

Тот мигом притих.

– И вообще, тебе четыре года было. Как ты можешь что-то помнить? – добавил Максим.

– А сколько тебе тогда было? – решила поинтересоваться я.

– Ему было шестнадцать, – ответил вместо Максима Кирилл.

То есть сейчас ему...

– Максим, тебе двадцать лет? – уточнила я.

И кажется, не смогла скрыть нотки изумления. Признаться, я была неприятно поражена. Надеялась, что ему немного больше.

– В августе будет двадцать один, – пробурчал он.

– Макс – Лев по гороскопу, и этим гордится, – Кирилл засмеялся, кажется, решив докопаться до дядюшки.

– Что, слишком мало? – вдруг спросил Максим, бросив на меня короткий хмурый взгляд.

Я повела плечами. Мне только исполнилось двадцать шесть. Значит, он на пять лет младше. Видимо, его задела слова племянника и он разозлился. Поэтому какое-то время молчал.

– А что случилось с Султаном? Я так поняла, его уже нет? – мне хотелось разговорить Максима, показать, что я не стала думать о нём хуже и вовсе не считаю несерьёзным юнцом.

Но он не отвечал.

– Его дед застрелил, – донеслось с заднего сидения. – За то, что Султан его покусал.

Максим при этом настолько крепко стиснул зубы, что на скулах забугрились желваки.

– Дед – это твой отец? – уточнила я, шокированная до глубины души.

– Да, – отрывисто бросил он.

Постепенно Максим оттаял. Стал показывать мне разные красивые места и местные достопримечательности – реку и мост через неё, парк в центре посёлка, старую церковь. А потом мы приехали к огромному пёстрому полю. Запах свежей весенней травы здесь смешивался с дурманящим ароматом полевых цветов. Трава была выше моих колен. Я прошла по ней, пропуская между пальцами бутончики и колоски. Они приятно щекотали ладони. Мне сделалось так хорошо, легко и свободно! Ничуть не стесняясь своих спутников, я вдруг побежала. Как в детстве, когда бежишь себе по полю, не замечая ничего вокруг – ни палящего солнца, ни стремительно несущегося времени. Никаких забот, одно счастье. Я очень люблю полевые цветы. Особенно ромашки, васильки и цикорий.

Кирилл, следуя моему примеру, тоже стал носиться, как сумасшедший. И при этом кричать, смеяться, повизгивать. Максим стоял и смотрел на нас, как на двух резвящихся детей.

– Клещей хотите подцепить? – крикнул он.

Но мы не обращали внимания.

Я вскоре взяла себя в руки и принялась собирать цветы. Хотелось принести домой огромный полевой букет. Максим стал помогать, попутно рассказывая, что когда-то давно это поле каждый год засеивали пшеницей, рожью или гречихой. Это ему ещё бабушка рассказывала. Но уже много лет аграрии тут ничего не сеют.

Кирилл умчал довольно далеко от нас. Срывая цветы, Максим то и дело поглядывал в его сторону, чтобы не потерять из виду.

– Сестра с мужем погибли в аварии, когда Киру было три года. С тех пор он живёт с нами, – сказал Максим, предваряя мои вопросы, когда мы наблюдали за скачущим среди цветов мальчишкой.

Пока гуляли и разговаривали, вернулся весь мокрый от беготни Кирилл.

- Там пацаны нашли крест! – запыхавшись, сообщил он.
- Что за крест? – удивился Максим.
- Вон там, – мальчик куда-то указал рукой.

И действительно, метрах в пятидесяти от нас несколько ребят что-то высматривали в земле. Заинтересованные их находкой, мы тоже решили поглядеть. А они уже принялись оживлённо спорить.

- Так, малышня, а ну ша! – скомандовал Максим. – Что у вас тут?
- Это мой дядя! – похвастался Кирилл.
- Мы хотели блиндаж выкопать. Как у военных. Лопаты принесли. И вот что нашли.

В земле, среди примятой, истоптанной детворой травы, виднелся внушительных размеров деревянный крест, какие ставят на освящённом месте или на могиле... Крест был старый, потемневший, кое-где древесина начинала гнить и крошиться. Частично он был вкопан в землю. Но, видимо, по какой-то причине упал.

- Что это? – я повернулась к Максиму.

Но он и сам выглядел озадаченным.

- Понятия не имею, – отозвался Богорад.

- Здесь кладбище было? Или хотели церковь построить?

– Не слышал ни о чём подобном. Странное место. Пойдёмте лучше отсюда. И вы бы тут не копали, – посоветовал он мальчишкам. – А то ещё выкопаете кого-нибудь.

Ребята напряжённо переглянулись.

К машине шли молча. Эта невесёлая находка всех насторожила. Даже Кирилл притих.

А потом у нас был пикник. Макс достал сумку со всякими вкусностями, и мы ели всё это прямо на капоте автомобиля. Постепенно оживились, и снова стало весело. Приятно, что Максим так подготовился. Кирилл был в полном восторге от этой прогулки. Перекусив, мы даже поиграли в прятки, чтобы его как-то занять. Правда, эта игра, точнее поведение Максима во время неё, заставило меня в очередной раз испытать невольное смущение. Например, он всякий раз, когда меня находил, не просто говорил об этом, а норовил прикоснуться. И порой прикосновения эти были... Макс в какой-то момент легонько дотронулся до моей спины на уровне поясницы. И меня от этого будто током ударило. Такая реакция вызвала недоумение у меня же самой. Раньше я за собой ничего подобного не замечала. Только спустя много лет поняла, что это было за чувство, до того момента мне неизвестное. До Максима я понятия не имела, как это – быть желанной.

Делая вид, что случайно, он то приобнимал меня, то небрежно проводил ладонью по груди. А один раз, когда я пряталась за деревом, подкрался сзади, обхватил меня, прижал к себе, и рука его будто невзначай соскользнула по юбке к низу моего живота. Одновременно с этим он прошептал в самое ухо, что наконец-то нашёл меня. Я вырвалась из его рук и со смехом бросилась прочь, хотя щёки мои пылали, и я не знала, куда деть глаза. Потом пыталась понять, показалось мне или нет. И понимала, что точно не показалось. Нужно было как-то на это реагировать, а я робела, делая вид, что ничего не происходит. Скорее всего, то, что я не пресекла сразу его поползновения, он воспринял как зелёный свет. Потому что вечером, когда привёз домой, вышел вместе со мной из машины, проводил до самой калитки, и на прощание сделал то, чего я ждала и боялась одновременно – поцеловал. Мягко, с нежностью и трепетом, без излишних вольностей и напора. Уже смеркалось, Кирилл спал в машине, да и на улице было пусто. Поэтому мы могли не бояться, что нас увидят.

Глава 6

Ничего, стоящего внимания, в газетной подшивке я не вычитала. Полосы местной малотиражки наполняли интервью с депутатами поссовета, поздравления с юбилеями, короткие заметки о приобретении новой сельхозтехники и тому подобная информация. Читать её у меня выходило медленнее, чем я рассчитывала. Что-нибудь интересное могло упоминаться в любой самой незначительной заметке.

Так размышляла я, идя с работы, когда услышала рёв моторов. Отступила к самому краю дороги и, остановившись, обернулась. От дамбы (так между собой называли бетонный мост через небольшую речушку) в моём направлении мчали несколько мотоциклистов. В одном я сразу узнала Максима по его ярко-красной Ямахе.

– Макс, давай! Сделай его! – кричал кто-то.

– Гоните, парни! – присоединился к первому ещё один участник группы поддержки.

– Гусар, не подкачай! – это, видимо, адресовалось кому-то из соперников Максима.

Неужели это была импровизированная гонка? Гонять по нашим дорогам, по моему мнению, – настоящее безумие. Я насчитала пятерых мотоциклистов. Впереди, оторвавшись от остальных, неслись двое – Максим и какой-то байкер на синем железном коне.

Богорад значительно вырвался вперёд, но вдруг, уже миновав меня, то ли наехал на что-то посреди дороги, то ли угодил колесом в яму. Даже мне, совсем ничего не понимавшей в этом, было очевидно, что мотоцикл начало мотать из стороны в сторону и водитель с трудом удерживал равновесие. Пытаясь не потерять управление, Максим сделал крутой разворот и всё-таки рухнул на бок. Вначале раздались испуганные вскрики, затем все разом притихли. Ребята, догонявшие Максима, затормозили.

Я в первую секунду будто вросла в землю. А потом, подчиняясь внутреннему порыву, устремила к упавшему молодому человеку. Сердце моё готово было разорвать грудную клетку, настолько сильно оно металось внутри. Максим, одетый в чёрный экипировочный мотокостюм, выбрался из-под мотоцикла и теперь пытался его поднять. Нервным движением снял шлем. Вся левая сторона его одежды была свезена и испачкана дорожной пылью от плеча до самых икр. Догадываюсь, что такие же счёсы имелись и на его теле под одеждой. Парень прихрамывал. Ему явно было больно опираться на левую ногу.

– Господи, Максим, как ты! – я подбежала, принялась стряхивать с его костюма пыль. – Зачем так гонять? Ты цел? Ты очень напугал меня!

– Всё нормально, – он отвечал нехотя, с недовольством.

Его друзья приблизились к нам, наблюдали. Один из них стал помогать Максиму поднять Ямаху. Подбежали ещё несколько парней и девушек. Со стороны их компании послышались смешки, прысканья, перешёптывания. Несколько комментариев были слышны вполне отчётливо: «Ого!», «ко-ко-ко», «как та квочка»... Макс изменился в лице. Избегая смотреть на меня, приводил себя в порядок, морщился от боли.

– Тебе нужна помощь? – обеспокоенно спросила я, пытаюсь поймать его взгляд.

Но он раздражённо передёрнул плечами, отвёл от себя мою руку. А затем отстранился и даже почти отвернулся. Поправил перчатки и снова надел шлем.

– Всё нормально, перестань, – пробурчал глухо. – Хватит.

Взобрался на мотоцикл и принялся его заводить. Обернувшись на ждавших его молодых людей, которые многозначительно переглядывались и не особо сочувствовали его падению, коротко бросил:

– Поехали.

– Максим, осторожнее, – попросила я.

Но он рванул с места, обдавая меня клубами пыли. Остальные последовали его примеру. Через секунду вся компания скрылась из виду, а я так и осталась стоять, растерянно глядя им вслед.

Страх за Максима сменился обидой. Такое пренебрежение после нашего вчерашнего поцелуя было просто оскорбительным и причиняло боль. Неужели он меня стесняется? Или такой сконфуженный из-за своего падения на глазах у друзей? Никого из них не волновало, как он себя чувствует, не больно ли ему. Разве это друзья?

После случившегося мы не виделись несколько дней. Он не звонил и не приезжал. А в субботу после обеда всё-таки явился. Я сидела во дворе и читала. Максим тихонько вошёл, остановился рядом.

– Привет. Можно к тебе?

– Да, – я вздохнула.

Но нарочно не стала суетиться, спрашивать о его самочувствии.

– Я теперь самый порядочный водитель, – объявил он. – А то и машину заберут. Родители бурно негодовали. Батя запретил на мотоцикле гонять. Гляди.

Макс задрал футболку и опустил джинсы с левой стороны настолько, что стали видны его чёрные боксеры. Я увидела огромную фиолетовую гематому во весь левый бок от подмышки и вниз до бедра. Наверное, он каждым ребром прочувствовал неровности нашей дороги.

– Ужас. Сочувствую тебе, – произнесла невозмутимо, с прохладцей.

И снова уставилась в книгу. Конечно, я успела заметить красивый рельеф его мышц, кубики пресса, похожие на изогнутые провода вены на боках и животе, и даже краешек темной щетины, уходящей под бельё. Он вернул одежду на место.

– На ноге так же, – добавил Максим.

Что это было? Мальчишеское хвастовство, дескать, вон какой я крутой! По камням всем телом проехался, и ничего! Или повод продемонстрировать свой торс?

– Ну, ты сам виноват.

Говорила, как мама или учительница. А значит, выглядела в его глазах строгой скучной моралисткой. Моё показное равнодушие, кажется, его совсем не задевало. Я испытывала угрызения совести за то, что так холодна с ним. Тем более что на самом деле была очень рада его видеть.

– Я был в больнице. УЗИ и рентген делали. Мать настояла, – отчитался он, хоть я не спрашивала.

Максим держался непринуждённо и дружелюбно. Это изрядно контрастировало с тем, как он торопился отделаться от меня тогда. А сейчас приехал с букетом цветов. Вручая их, не совался с поцелуями и вообще вёл себя подчёркнуто скромно. Может быть, понимал, что незаслуженно меня обидел, и теперь чувствовал себя виноватым.

Пока он демонстрировал свои увечья, проснулся и, потягиваясь, выбрался из своего убежища Лис. Котёнок за то время, что жил у меня, значительно подрос, окреп и уверился в собственной неотразимости. Поэтому вёл себя всё более нахально, как и подобает рыжему красавцу с изумрудными глазами. Вот и сейчас забрался ко мне на колени, затем прыгнул прямо на лежавшую передо мной раскрытую книгу и уселся на ней. Максим, глядя на творящийся беспредел, достал телефон и принялся фотографировать. При этом подсказывал мне, как повернуться, как посмотреть, какую принять позу. Я сначала хотела возмутиться и попросить его прекратить. Никогда не любила фотографироваться. Однако когда он показал первые пару фото, они оказались весьма неплохи. Мягкая, золотистая цветовая гамма, рыжий котёнок и рыжая я, солнечные лучи, проникающие к нам сквозь светло-зелёные молодые виноградные листья – всё это выглядело очень мило. Впервые я сама себе очень понравилась! Хотя была почти не накрашена и волосы растрепались. На некоторых кадрах моё лицо крупным планом... Я и забыла, что у меня столько веснушек! Но сейчас это не показалось мне отталкивающим.

На нескольких фото Максу удалось так поймать свет, что моя шевелюра из скучно-рыжей превратилась в янтарно-золотую.

Вся обида на Максима за то его странное поведение во время мотогонки испарилась, как не бывало. Я вошла во вкус, стала позировать с котёнком на руках. Даже не представляю, сколько фотографий в итоге нащёлкал Максим!

Разглядывая в его телефоне свою фотосессию, я настолько увлеклась, что позабыла обо всём на свете. Когда подняла взгляд от экрана мобильного, обнаружила, что Макс сидит на скамейке и водит прутиком перед собой, а Лис самозабвенно его ловит. Припадает к земле, прыгает, выгибается дугой, кувыркается. Потом убегает за ступеньки крыльца, наблюдает из засады за манипуляциями Максима, и в самый неожиданный момент выскакивает, повторяя заново все свои кульбиты.

Взяла свой телефон и начала снимать это на видео. Никто из участников представления ничего не замечал. Лис красовался, выделявая какие-то немислимые трюки. А Максим специально поддразнивал его. Прутик то замирал на месте, то вдруг неожиданно начинал шевелиться. Тогда котёнок вставал на задние лапки, поднимал передние и наступал, демонстрируя, какой он грозный. Максим смеялся и легонько тыкал его палочкой в брюхо. Лис комично подпрыгивал, выгибая спину, и как будто хлопал в ладоши. Заметив, наконец, что их снимают, Богорад подмигнул мне и шутовски поклонился, после чего похлопал Лиса прутиком по пушистому мягкому месту, приговаривая:

– Кланяйся, кланяйся!

Я улыбнулась и выключила запись.

– Бродячие артисты цирка-шапито работают исключительно за еду. За свои старания мы просим хотя бы корочку хлеба и кусочек колбаски. Сия благословенная пища необходима нам для поддержания баланса белков, витаминов и минералов, блестящей шерсти, роста мышечной массы... Короче, голодные мы, как собаки, – этот монолог и жалобный вид вошедшего в роль Максима заставили меня рассмеяться.

Никогда бы не подумала, что он такой артистичный.

– Одним хлебом и колбасой уровень полезных веществ в организме не поднимешь, – заметила я. – Да и Лис не ест такое.

– Да? – Максим осуждающе посмотрел на котёнка. – Зажрался ты, брат.

– Так что будет вам борщ, пирожки, и котлеты.

– Ура! Нас накормят! Видишь, мы не зря столько месяцев репетировали, – снова обратился он к своему напарнику.

Лис получил порцию каши с печенью. А вот Максиму повезло больше.

– Откуда у тебя столько еды? Ты точно одна живёшь? – с подозрением спросил он, уплетая мои угощения.

Выражение лица его сейчас походило на физиономию самого дотошного в мире следователя.

– Не одна, конечно, – подыграла я. – Муж на работе, четверо детей в саду.

– А она тут любовника борщом потчует! Ишь, коварная! Распутница, тьфу! – теперь Макс говорил голосом ворчливой старушки, при этом старательно гримасничал, чтобы повторить старческую мимику.

Я прыснула со смеху и воскликнула:

– Ой, не могу! Вот ты даёшь!

– Ну, правда, обычно у девочек одни йогурты в холодильнике, – заметил уже серьёзно Максим.

Улыбка моя потухла. Значит, много повидал девушек и их холодильников, раз с таким знанием дела говорит. И все они, наверняка, стройняшки, не то, что я...

– Что-то ты загрустила. Так, давай шустренько наряжайся, и поехали тебя развлекать.

Максим сам собрал посуду и понёс к колонке, чтобы помыть.

Мы отправились в близлежащий небольшой городок и гуляли там. Максим привёз меня к какому-то дому и показал окна на третьем этаже.

– Здесь жили мои бабушка и дедушка, – пояснил он. – Я когда-то тут много времени проводил. Потом эту квартиру продали.

Совершенно стандартная, ничем не примечательная пятиэтажка, каких сотни в любом городе нашей страны. Палисадник с цветами около подъезда, две скамейки, старая игрушечная лошадка-качалка, принесённая сюда за ненадобностью. Но Максиму это место было дорого. Он с упоением делился воспоминаниями о том, как совсем маленький гулял здесь с бабушкой, как свалился с горки, и как получил по лбу качелями, на которых каталась старшая сестра.

После прогулки мы посидели в кафе. Звонила Леокадия Сергеевна, но я не взяла трубку. Сегодня ни о каких походах к некоей бабе Симе и речи не могло быть.

А потом мы целовались в машине. Когда он через свитер сжал мою грудь, мне почему-то стало стыдно, что ему не хватает ладони, чтобы её обхватить. Не знаю, перестану ли я когда-нибудь комплектовать из-за своих форм. Самого же Максима вообще ничего не смущало. У него, по-моему, совершенно отключился мозг, потому что взгляд затуманился, поцелуи стали чересчур откровенными и глубокими, а прикосновения настойчивыми. На призывы перестать запускать мне руки под свитер он отреагировал далеко не сразу. Но всё же мне удалось до него достучаться, и он, наконец, спустился на землю.

Признаться, мне не давала покоя мысль о том, почему он стал ко мне приезжать. Едва я появилась в посёлке, Максим начал меня клеить. Вопрос – зачем? Любовь с первого взгляда? Этот вариант отпадает сразу. Поспорил на меня? Просто решил развлечься? Возможно. В любом случае ему определённо что-то от меня было нужно. Пока всё не зашло слишком далеко, я хотела это выяснить.

Выслушав мой вопрос, Максим откинулся на спинку водительского сидения, положил ладонь на руль и тихонько побарабанил по нему пальцами.

– Отвозил племянника в школу и заезжал к тебе. Первый раз просто интересно было рассмотреть тебя поближе. Сирени наломал, в забор засунул. Лично в руки вручить было неудобно, потому что букет совсем простой, не розы.

Складывалось впечатление, что он с трудом подбирает слова для ответа или не знает, что говорить.

– А эта твоя знакомая, Маргарита, она кто? В смысле, почему так с тобой фамильярничают? – поинтересовалась я как бы между прочим.

Но он неожиданно помрачнел.

– Да никто уже. Просто знакомая.

– В каком смысле «уже»?

– Ну... Я так понял, надо всё честно рассказывать о себе и ничего не утаивать? Окей. Как бы тебе объяснить. Вот представь. Парню едва исполняется семнадцать лет и вдруг в его жизни появляется первая баба. Красивая, опытная, но чужая. Она замужем и с ним просто играет. А он горы готов свернуть. Тестостерон зашкаливает. Но она, наигравшись, снова идёт к мужу.

Я поражённо слушала. Меня будто ледяной водой окатили. Выходит, всё-таки учительница. Только не по школе, а по любви... Значит, под этим пожеланием «приятного чтения», вовсе не чтение имелось в виду. То-то Рита так выразительно посмотрела. Меня тут считают очередным трофеем и не более того. Дурочкой, которая готова броситься в объятия богатенького мальчика только за то, что он её на мотоцикле покатал.

– Знаешь, Максим, я уже пойду, – обратилась я к нему. – Мне кота кормить пора.

– Разве прошлое – это так важно? – словно не замечая моих слов, спросил он. – Я же не спрашиваю у тебя, почему ты одинока, почему приехала сюда, отказавшись от хорошего места и благ городской жизни.

Я молчала.

– Ты на меня обиделась? – спросил Максим и поймал моё запястье, когда я заводила за ухо прядь волос. – Лучше, чтобы я всё скрывал и не говорил честно, как было?

– Нет, конечно, – я вздохнула, не зная, как на самом деле было бы лучше. – Я не обиделась, Максим. Извини, но мне, правда, пора.

Мягко отняла у него свою руку и вышла из машины.

Глава 7

Максим снова пропал. Не появлялся уже неделю. Конечно, он был прав, говоря, что прошлое не имеет значения. Но у меня-то, по сути, никакого особого прошлого и не было. А у него, скорее всего, было.

Позвонить ему сама я не решалась. И он не звонил. Снова вспомнилось предсказание цыганки... Нет, замуж за Максима я точно не собиралась. Может быть, и к лучшему это его исчезновение. Уж слишком сильно я начинала к нему привязываться.

А с цыганкой этой вышло вот как.

Я тогда училась на первом курсе университета, и мне было семнадцать лет. Ехала на практику в область. Цыганка схватила меня за руку на вокзале. Давай, говорит, погадаю, ручку позолоти, и тому подобное. Я довольно грубо ответила: «Отстаньте, я тороплюсь. Мой автобус сейчас уедет!». Но она только крепче схватила меня и стала требовать: «Давай деньги, которые у тебя в кармане вижу, и я тебе будущее расскажу». У меня там была последняя сотня на дорогу. Я разнервничалась, автобус-то уезжает. Отмахнулась от неё и пошла скорее прочь. А она бежала вслед за мной и кричала: «Было бы двое детей у тебя, мальчик и девочка, и король, который любил бы тебя... а теперь ни мужа не будет, ни детей. И не жди. Судьбу свою с книгами свяжешь и однажды круто решишь жизнь изменить». Дальше я не дослушала. В автобус села и расплакалась. Очень боялась тогда всех этих цыган. А тут такое страшное предсказание... Деток я бы очень хотела. Мальчика и девочку. Можно было бы не верить, но все важные моменты, которые тогда казались мне нереальными, произошли. Жизнь с книгами связала, круто изменила, когда уехала в Апрельское. Если это сбылось, то почему не сбудется остальное? Чем старше становлюсь, тем больше верю, что замуж выйти мне не суждено. Всё не идет из головы плохие мысли и слова этой женщины...

Планируя говорить с моей собеседницей совершенно о другом, я в итоге почему-то рассказала эту историю и ей. Бабушка Сима, к которой мне всё же удалось выбраться, оказалась весьма приятной. В свои семьдесят три она держала коз и сама их пасла.

Очень добрая, спокойная, с тихим голосом. Я была уверена, что полное её имя – Серафима. Но ошибалась. Симона Павловна встретила меня с доброжелательной улыбкой.

Точное количество её питомцев я так и не узнала. Около десятка, а то и больше. Несколько козочек были взрослые, а большую часть составляли козлята разного возраста. При виде меня животные сбились в кучу, насторожились и уставились в мою сторону с подозрением.

– Иди, иди, они безобидные, – успокоила меня пожилая женщина.

Мы сидели прямо в поле под старым раскидистым дубом, как из сказки Пушкина. Рядом паслись козы. Жевали траву и прислушивались к нашему разговору. Игривые белые и чёрные козлята резвились на лужайке, украшая собой весенний пейзаж. Самая маленькая козочка подбежала и забралась ко мне на колени. Такая идиллическая картина...

Совсем рядом протекала небольшая речушка. Поэтому здесь пахло водорослями, перепрелой травой, трухой старых упавших в воду деревьев.

Рассказ о себе Симона Павловна начала издавека.

– Имя у меня такое необычное благодаря бабушке, – размеренно и негромко стала говорить моя собеседница. – Она была из богатой семьи, дворянского происхождения. Росла с няней. Знала иностранные языки, высокие манеры. И конечно, ни лопату, ни косу в руках не держала никогда. Было ей шестнадцать лет, и она влюбилась в моего деда, простого работягу. Дедуля был очень хорош собой. Кудрявые густые волосы набок, как раньше носили. Как можно

не влюбиться в такого? Сбежала из дому к нему, поженились. Бабуля тоже красавица ещё та! Хотя и маленького была роста, всего полтора метра, но косы у неё были шикарные и толстые, как две ноги (так говорил дед). Семья от неё отказалась, как это было принято в те дореволюционные времена. Она родила мою маму, а потом ещё двух дочек. Но те девочки не выжили. Золотая свадьба была их последняя, потому что из-за болезни ушёл дедушка, а через три года ушла и бабушка. Оба умерли в семьдесят шесть лет. Так вот бабушка матери моей строго наказала меня Симоной назвать. Не знаю, почему ей так нравилось это имя. Но мать послушалась.

У мамы с отцом тоже красивая история любви получилась. Отец отсюда, из деревни. В пять лет остался сиротой, не умел читать и писать, с девяти лет работал у людей на огородах за еду и одежду. Но однажды поехал в город и там встретил мою маму. Случайно, на улице. И так она ему понравилась, что он как-то разузнал, где она живёт, пришёл к ней домой и у родителей попросил её руки. Бабушка у неё спросила: «Пойдёшь за него?» И мама согласилась. Сейчас таких браков нет. Сейчас правят не чувства, а деньги, положение... А жаль... Вообще, они были необыкновенной парой. Любили друг друга даже в старости. Сама я хоть и прожила всю жизнь с дедом, а по-настоящему его не любила.

– Почему? – замороженная её рассказом, спросила я.

– Потому что нужно было замуж уже выходить. Двадцать восемь-то годков. А любила парня одного. Он тоже меня любил. Но так вышло, что по глупости в тюрьму попал. Подрался с кем-то. Тот человек серьёзную травму получил. Вот моего парня и посадили. Я его ждать не стала, не хотела себе жизнь портить. И до сих пор жалею.

Я сочувствующе покивала, задумчиво глядя заснувшую козочку.

– А сама-то ты что не замужем? – спросила вдруг Симона Павловна.

Тогда я и рассказала ей о предсказании почти десятилетней давности.

– Человек верит в то, во что хочет верить... – задумчиво изрекла старушка. – Она тебя настроила на неудачу. Иначе, зачем ей было тебе это кричать вслед, подумай? Могла бы просто мысленно пожелать, наколдовать. Но ведь нет же. Надо было, чтоб ты услышала, и слова её врезались глубоко в мозги. Цыгане насквозь видят людей. Чего ещё может желать молодая девушка, как не хорошего мужа и детей? Она надеялась, что ты испугаешься остаться без всего этого и отдашь ей деньги. Если верующая – сходи в храм, поговори с батюшкой, закажи молебен за здоровье своё и этой цыганки, помолись за начало новых дел. Самое главное – выкинь эти мысли из головы, думай только о хорошем, и всё у тебя получится. Твоя судьба точно не от цыганки зависит, поверь.

– А про церковь я что-то и не подумала, если честно. Спасибо за совет. Надо сходить, может спокойнее будет, – согласилась я.

Какая красивая церковь в Апрельском, я хорошо помнила. И где она расположена. Мне её Максим показывал. К слову, там же можно и об истории посёлка узнать. И ещё о многом, что меня волновало. Эта женщина, писавшая письма, могла ходить исповедоваться. Хотя и было это очень давно, и батюшки того, вероятно, нет уже в живых. А ещё тайна исповеди... Да и действовала ли здесь церковь после войны?

– Цыгане, неизвестно почему, практически все обладают гипнозом, и очень многие люди после общения с ними даже лица вспомнить не могут, – рассуждала Симона Павловна. – Их проницательность и интуиция шлифовались тысячелетиями.

Как-то не вышло у меня направить разговор в нужное русло. С этими предсказаниями обо всём забыла. Но мы обязательно ещё поговорим. Симона Павловна звала меня в гости и обещала угостить парным козьим молоком.

Кстати, однажды во время одной из прогулок я спросила у Максима, верит ли он в цыганские пророчества и гадания. Но тот лишь посмеялся.

– Всё это балаган и развод на деньги. Меня гадалки стороной обходят. Не выносят моих чёрных глаз.

– Да ты сам на цыгана похож, – заметила тогда я. – Может, чувствуют своего.
На это он ничего не ответил.

Пролетела ещё одна неделя, в течение которой мы ни разу не пересеклись. Снова приезжала мама. Письма я отложила до лучших времён. Сейчас делала всё на автомате. Почти ни с кем не общалась. Только работа, дом и кот. Всё это не могло бесконечно продолжаться. Я очень надеялась, что если мы не будем общаться, то вскоре и влюбленность выветрится из моей головы.

И всё-таки мы увиделись. Совершенно случайно. Я пришла к продуктовому за хлебом. Там уже собрался народ, и как раз подъехала хлебовозка. Как уже однажды было, я увидела машину Максима, а рядом его самого. Заметив меня, он широко улыбнулся и во всеуслышание сказал:

– Привет, рыжая, рад тебя видеть!

Странно. Ко мне ещё никогда никто так не обращался. Кто-то посчитал бы грубым и пренебрежительным. А для меня это прозвучало тепло и по-доброму. Не ожидавшая такого приветствия, я ответила не сразу. Зачем-то приняла максимально серьёзный вид и холодно произнесла:

– Добрый день.

В толпе кто-то хихикнул. Максим же, кажется, растерялся и лишь молча проводил меня взглядом.

В магазине соседка Нина Васильевна отвлекла меня очередным рассказом о своих кошках. Просила помочь ей, поддержать сумку, пока она сложит продукты. И потом предложила идти назад вместе. А я решила всё же подойти к Максиму, если он ещё не уехал. Но когда вышла, увидела, что вокруг него вьются две девушки – блондинка и брюнетка. Нина Васильевна замешкалась внутри, мне пришлось её подождать и невольно наблюдать за их общением. Максим что-то говорил, те хихикали. А потом бросил взгляд в сторону магазина, наткнулся на меня, и тут же демонстративно отвернулся.

– Маринка, а поехали на старую взлётку, поучу тебя водить, – услышала я, как он довольно громко обратился к одной из девушек.

Когда-то давно, ещё в советские времена, здесь размещался резервный военный аэродром или что-то подобное. Им давно никто не пользовался, а вот для покатушек это было весьма подходящее место. Странно, что ребята гоняли на мотоциклах по дамбе, а не там.

– Ой, Мариш, он такому научит! – заметила другая, и обе рассмеялись.

– Насчёт вождения надо подумать, – ответила блондинка. – А вот подвезти можешь.

– Тогда прыгай в машину, – скомандовал он.

Не знаю, что там было дальше, потому что наконец вышла Нина Васильевна, и мы отправились домой. Я шла, слушая болтовню соседки, сухо отвечая лишь «угу» и закусив губу, потому что в носу кололо от подступивших слёз. Волю им дала ночью, когда ревела в подушку, как школьница. Хотелось позвонить ему или написать. Душили невысказанные чувства. Я понимала, что влюбилась. Он словно приворожил или околдовал. Иначе как меня угораздило увлечься мальчишкой, почти ребёнком? Ему же ещё двадцати одного нет! По мировым меркам он даже несовершеннолетний!

Проснулась какая-то больная. Боль была даже в искусанных губах. Поняла, что не могу себя заставить выйти на работу.

Неожиданно позвонила Леокадия Сергеевна. Судя по голосу, она была страшно чем-то озабочена. Как оказалось, пропал Кактус.

– Он никуда из дома не выходил! Днём спал в своём лукошке, ночью слышно было, как сопит и топаёт. А тут пропал и два дня уже найти не могу!

– Вы не волнуйтесь так. Я надеюсь, что найдётся. Постараюсь к вам зайти в ближайшее время, вместе поищем, – пыталась успокоить её я.

Вместо работы я в тот день пошла к Симоне Павловне. Хотелось всё-таки спросить о том, о чём мы в прошлый раз так и не успели поговорить. Да и ей приятно было рассказывать о былом. Завидев меня, женщина очень обрадовалась. Первым делом поинтересовалась, была ли я в церкви. Повздыхала, потому что ещё не была. Но я пообещала сходить.

– А где тут раньше находился роддом? В годы войны, например, – спросила я и поняла, что вопрос этот бабушку Симу озадачил.

– У нас не было. В город возили всех, как и сейчас. Тут же ехать недалеко. На бричке возили. Председатель колхоза выделял лошадь. Правда, в войну всех лошадей на фронт забрали. Так что не знаю, как тогда эти дела решали. Может дома.

– А в роддоме могли перепутать или подменить младенцев?

Симона Павловна вытаращила на меня глаза.

– Не знаю, детка. Война была, тогда всякое случалось. Лично я о подобном никогда не слышала. А ты почему спрашиваешь?

– Да мне нужно. Для работы. Хочу об истории посёлка сделать стенд у нас в библиотеке, – на ходу придумала я нелепый ответ.

Бабушка Сима доверчиво кивнула, совершенно не задавшись вопросом, какое отношение к истории Апрельского могли иметь перепутанные младенцы.

– Вот мы с вами в прошлый раз о цыганах говорили. А правда, что тут в годы войны цыганский табор стоял? – спросила я главное, что меня интересовало.

Ответ на этот вопрос поможет мне понять, от чего следует отталкиваться в поисках информации. Но Симона Павловна лишь пожала плечами.

– Смутно помню что-то такое. Мать и бабушка обсуждали, что были цыгане. И что куда-то их немцы вывезли. А куда? Бог его знает. Мне в конце войны всего пять лет было. Так что я мало что помню.

От бабы Симы я шла, когда уже почти стемнело. На западе небо зловеще багровело, будто где-то вдалеке бушевал пожар. Но это был всего лишь закат. Наверное, завтра поднимется ветер. Помню, где-то читала красивую примету о ярко-красном закате. Он означает, что бог солнца спорит с богом ветра... Моя бабушка всегда считала красные закаты плохим предзнаменованием. Не знаю, почему.

С востока же надвигалась крошечная тьма. Уличных фонарей здесь не было. Точнее они давно не работали. Свет лился только из окон. И некоторые дворы освещались, поэтому в принципе дорогу было видно хорошо. Даже фонарик не понадобился... вначале. Но когда потянулись брошенные дома, стало жутковато. Полезли в голову разные нехорошие мысли. Неожиданно вспомнился найденный в каком-то доме покойник... А ведь я так и не узнала, в каком! Вдруг я иду сейчас как раз мимо него.

Едва успела об этом подумать, как вздрогнула от внезапно прозвучавшего в вечерней тишине мычания. Кажется, у меня все внутренности передёрнулись, а не только сердце. И в пот бросило. Первой мыслью, которой я пыталась себя успокоить, было то, что мне послышалось. Но когда звук повторился, данная версия с треском провалилась. Следующий вариант – животное – пугал не меньше, чем возможный спящий где-то в кустах пьяница. Я ускорила шаг. Однако прервавший невнятное мычание голос Максима заставил меня остановиться.

– Бать, вставай, садись в машину. А то вдруг кто-нибудь увидит, – слова доносились из глубины проулка между домами.

Брошенными или жилыми – я понятия не имела. Но свет в окнах не горел. В ответ на его слова раздалось нечленораздельное бурчание и ругань. А затем снова заговорил Максим:

– Вставай! Мама волнуется, ждёт нас.

Я подошла и увидела... то, что увидела. В свете фар припаркованного посреди дороги внедорожника довольно грузный мужчина с седой бородой ползал по земле, заваливался на

бок, катался в пыли. Причём выглядел он очень хорошо, явно дорого одет и ухожен. Максим пытался его поднять, но тот отталкивал, матерился.

– Что случилось? – спросила я.

– Света, иди, куда шла, – бросил мне Богорад.

Глаза его затравленно бегали, не желая встречаться с моими. Игнорируя его слова, приблизилась к сидевшему на земле мужчине.

– Здравствуйте, – сказала максимально непринужденно.

Он остановил на мне стеклянный взгляд и попытался, кажется, осмыслить происходящее. Новый человек в поле зрения явно заинтересовал и привлек его внимание. Я не могла понять, пьян он или это что-то другое. Алкоголем от него не пахло.

– Ну-ка поднимайтесь, а то свой красивый костюм совсем испортите и часы разобьёте, – сказала я тоном, каким обычно говорят с непослушными детьми.

И сама удивилась, что он меня не послал.

– Да вот не могу! – сокрушенно ответил отец Максима. – А вы кто? Что за красавица тут у нас появилась?

– Давайте, давайте, я помогу встать, – подбадривала я его.

Мужчина послушно опёрся на мою руку, грозя повалить меня на землю. Но Максим вовремя поддержал его и вместе мы каким-то чудом усадили его в машину.

– Вы не уйдёте? – жалобно спросил меня Илья Андреевич. – А то этот сукин сын только и думает о том, чтоб я быстрее сдох! Только и ждёт моей смерти!

– Па, ты что! – укоризненно возразил Максим.

– Пошёл вон, щенок! Выкормил тебя, вырастил, и никакой благодарности!

Я обратила внимание на то, что Максим ловко закатал ему рукав и что-то вколол из маленького шприца. Буквально сразу тот обмяк и вскоре уснул. Максим же, избегая меня, уложил отца поудобнее, закрыл заднюю дверцу машины, отошёл, и устало присел на поваленное бревно. Я приблизилась, опустилась рядом.

– Что с ним? Он пьян?

Парень отрицательно мотнул головой, глядя в сторону.

– Это деменция начинается. Альцгеймер, или как его там... И ещё что-то, не помню уже. Он такой не всегда. Редко. В последнее время где-то раз в пару месяцев. Я поэтому и приехал, взял академ. Мать с ним уже не справляется. Плачет постоянно. Кирилл его боится. А сам он лечиться не хочет, считает, что с ним все в порядке. В нормальном состоянии он совсем не такой, правда! Но вот эти припадки... Я мечтаю забрать мать и мелкого и уехать отсюда навсегда.

Слушать это было невыносимо. Не представляю, каково в таком юном возрасте столкнуться с подобной бедой. Это очень страшно.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила, тронув его за руку.

Мне хотелось, чтобы он повернулся, посмотрел на меня. А он упорно уклонялся от этого.

– Чем? – горько усмехнулся Максим. – Нет, конечно. И ещё, Свет, надеюсь, ты понимаешь, что об этом никто не должен знать?

– Конечно.

– Ну и не надо меня жалеть, – добавил он. – Всё нормально. Я не страдаю и всем доволен, поверь. Это ничего не должно менять между нами, а то любите вы, девушки, из жалости уделять внимание...

– Не поняла, что не должно менять? – насторожившись, уточнила я.

– Ничего, – повторил он. – Раз уж ты меня отшила, то пусть всё так и остаётся.

– Но я не отшивала тебя!

Как он мог такое подумать?! Значит, поэтому и не появлялся!

– Мне кажется, Максим, мы с тобой совсем друг друга не поняли, – стараясь говорить мягко, без укора, произнесла я. – Но думаю, сейчас не время выяснять отношения. Тебе нужно отца домой отвезти. Что ты ему вколол?

– Лекарство. Оно всегда при нем.

– А сколько ему лет?

– Шестьдесят девять. Я очень поздний ребенок, – он вымученно улыбнулся. – Сестра была на девять лет старше. Слушай, спасибо тебе. Ты с моим отцом справились лучше, чем я.

– Так часто бывает, что посторонние люди лучше справляются с детьми, стариками, пьяными или больными, чем близкие. Так что не кори себя.

Он промолчал.

– Максим, – позвала я и коснулась его щеки, вынудила, наконец, повернуться и посмотреть на меня. – Прости меня, пожалуйста. Иногда я веду себя как дура.

Я поцеловала его, и он ответил, но как-то рассеянно. Его можно понять, голова была занята совсем другим.

Глава 8

В мае иногда выпадали совсем тёплые дни, как летом. А во дворе у меня имелся чудесный дикий виноград, который плёлся по железным балкам и создавал естественную тень от солнца. Под ним стояла старая кровать с сеткой. Такая же, как на чердаке. В жару я на ней валялась, тихонько раскачиваясь, как в гамаке, и шурясь смотрела, как пробивается между виноградными листиками солнце. Двадцать шесть лет своей жизни я этой красоты не замечала. А когда приехала сюда – заметила. Или это Максим своими фотографиями показал мне её? Я тогда на снимках увидела мир и себя его глазами. Увидела, как солнечные лучи играют через листики деревьев, как жмурится кот, как переливаются всеми оттенками рыжего мои волосы... А теперь вижу, как всё вокруг красиво, солнечно, ярко, вкусно! Среди этой красоты хочется находиться, наслаждаться ею, нежиться в ней. Есть мороженое, читать или дремать. Как раз последним я занималась, когда позвонила Лёка и позвала в гости. Она запретила мне обращаться к ней на вы и называть Леокадией Сергеевной. Непривычно было «тыкать» женщине, которая гораздо старше моей мамы, но приходилось привыкать.

Лёка сказала, что новость её просто так не опишешь, это надо видеть. Когда я пришла, она показала двух спящих ежей. Один высунул нос и сонно посмотрел на нас.

– Вот. Вынесла я его лукошко на крыльцо. Подумала, может, почувствует родной запах и вернётся. И он вернулся. Но не один.

– Кактус, ты барышню привёл? – засмеялась я.

Ёж неприятливо фыркнул и спрятал мордочку.

– Она же дикая, не привитая, – стала сокрушаться Лёка. – Вдруг бешенством заразит или клешами?

– Вы как настоящая свекровь! Ой, то есть ты... Ну, Кактус, ты видел, как мать распереживалась? Вдруг твоя пассия из плохой семьи?

Леокадия Сергеевна после возвращения блудного питомца воспрянула духом и заметно повеселела. Принесла лимонада, конфет и печенья. И как я ни сопротивлялась, она упорно настаивала на том, чтобы я отведала угощение.

– Что там у тебя с бабой Симой? Встречались? Поговорили? – спросила Лёка у меня как бы между прочим.

– Да, она много о своих предках рассказывала. Кто как познакомился, поженился.

– А моя бабушка говорила, что после войны мужик был в дефиците, – заметила Лёка, разворачивая «Белочку». – Поэтому вышла замуж за молокососа. Ему было восемнадцать, а ей двадцать три.

Я поджала губы. В последнее время везде мерещились намёки. Тем более Лёка знала о том, с кем я общаюсь... Но женщина вела себя очень непринуждённо и быстро сменила тему. Стало быть, мне все эти недосказанности только чудились.

Истории о чужих семьях настроили и меня саму на меланхоличный лад. Поэтому когда родители неожиданно приехали вдвоём, я решила расспросить во всех подробностях об их знакомстве. А то потом и внукам нечего будет рассказать. На мысли о внуках я осеклась.

Папа хотел посадить что-нибудь у нас на участке. Благо он небольшой, поэтому перекопка земли не заняла много времени. Я участия в полевых работах не принимала и втайне надеялась, что меня не будут просить всё это полоть и поливать.

Я только сейчас выбросила уже завядший букет, подаренный Максимом после его зрелищного падения с мотоцикла. Мама, обнаружив цветы, приступила к тактике намёков и расспросов.

– Что за кавалер? – поинтересовалась она и многозначительно посмотрела. – Перспективный?

– Мам, это просто знакомый.

– Просто знакомые цветы дарят только по поводу. На день рождения, например, или восьмого марта. У тебя ни того ни другого в последнее время не было.

Иногда я совершаю какие-то по-детски наивные ошибки. Возможно, это в силу небольшого жизненного опыта. Я ведь росла, как тепличный цветок, и горя в жизни не знала. До встречи с цыганкой. Или нет. До встречи с Максимом. Главное, что на этих ошибках я учусь. Поэтому рассказывать о своих намечающихся отношениях не собиралась даже маме.

Пока родители занимались посадкой корнеплодов и прочих овощей, я готовилась к мероприятию. У нас в библиотеке весь май проходили различные встречи, посвящённые Дню Победы. На этот раз были выставка и историческая викторина для учащихся второго, третьего и четвёртого классов поселковой школы.

Детей здесь было немного. В некоторых классах и до десяти человек не доходило. Поэтому решили объединить. На выставке Кирилл сразу меня узнал и подбежал. Но мы толком не пообщались. А когда мероприятие подошло к концу и ребят увели, мальчик вскоре вернулся. Сказал, что сбежал. Я позвонила учительнице и предупредила, что он со мной и что я сама отведу его домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.